

БОЛЬШЕ ЧЕМ
ДЕТЕКТИВ

МАЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

Цена
ВОПРОСА

Том 2

Цена вопроса

Александра Маринина

Цена вопроса. Том 2

«Автор»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Маринина А.

Цена вопроса. Том 2 / А. Маринина — «Автор», 2017 — (Цена вопроса)

ISBN 978-5-04-004675-1

Программа против Системы. Системы всемогущей и насквозь коррумпированной, на все имеющей цену и при этом ничего не способной ценить по-настоящему. Возможно ли такое? Генерал МВД Шарков твердо верил, что управляемая им Программа – последний шанс навести порядок в правоохранительных органах. Так было до тех пор, пока не исчез один из ее участников, одержимый радикальными идеями. А затем начались эти странные «парные» убийства... И стало понятно, что если сегодня не остановить убийцу-фанатика, то завтра Программе придет конец. Но какую цену готов заплатить генерал Шарков за дело всей своей жизни? И чего это будет стоить полковнику Большакову и капитану Дзюбе, уже подключившимся к расследованию?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-004675-1

© Маринина А., 2017
© Автор, 2017

Содержание

Дзюба	6
Фалалеев	11
Анна	13
Орлов	18
Дзюба	23
Фалалеев	27
Орлов	28
Анна	36
Фалалеев	38
Большаков	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Александра Маринина

Цена вопроса. Том 2

© Алексеева М.А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство „Э“», 2017

Дзюба

Ночью дом стал уютным и каким-то добрым и теплым. Обычно в отдельно стоящем доме Роман по ночам особенно остро ощущал и глубокую темноту за стеклами окон, и глухую загородную тишину, разрываемую только периодическим лаем собак. И от этого лая, и от темноты ему становилось не по себе, даже если дом был полон спящих людей. А сейчас все иначе. Поначалу все казалось таким мрачным и одиноким, заброшенным и неприкаянным среди голых деревьев и кустарников и рядом с холодной неприветливой водой. Теперь же, окутанный темнотой и тишиной, деревянный дом воспринимался надежным прибежищем, где царит добро и доверие и где не может случиться ничего плохого.

Люше достались материалы об убийстве Леонида Борискина в Сереброве: Дзюба рассудил, что лучше посмотреть информацию свежим глазом. Сам же Роман изучал материалы по убийству Егора Анисимова. Дима и Анна были отправлены наверх спать, при этом Дима строго-настрого запретил жалеть его и обязательно разбудить, если он понадобится. Анна разрешила Люше воспользоваться своим ноутбуком и тоже велела не стесняться и будить, если с техникой что-то не заладится.

Но будить никого не пришлось. Очень скоро, буквально в первые же полчаса работы, обнаружилось, что житель Шолохова Егор Анисимов учился в политехническом институте Сереброва с 2007 по 2012 год. А с 2008 по 2013-й в том же институте учился и Леонид Борискин, только на другом факультете. Поскольку специальности по дипломам у молодых людей были разными, равно как и разными были избранные впоследствии профессии, учеба в одном и том же вузе с первого взгляда в глаза никому не бросилась. Борискин – менеджер-логистик, Анисимов – инженер-гидротехник, работавший на плотине, построенной на Шолоховском водохранилище.

Роман и Люша отметили это совпадение и продолжили искать дальше. Но все было бесполезным: студенческими годами потерпевших никому и в голову не пришло поинтересоваться, ведь годы эти миновали задолго до убийства.

– Завтра прямо с утра я снова поеду к сестре Анисимова, – сказала Люша. – Поспрашиваю ее. Конечно, Егор учился в Сереброве, дома не жил, но, может, что-то рассказывал, чем-то делился. И друзей-приятелей Анисимова нужно будет прочесать: вдруг кто-то из них учился вместе с ним? Серебров – областной центр, институтов приличных в других городах области нет, только училища и колледжи, так что вполне можно поискать среди друзей Анисимова тех, кто учился в том же вузе или в другом, но в те же годы.

Она что-то записала на лежащем рядом листке и вдруг подняла голову:

– Да, и общагу надо не забыть. Общага – это первое место, где могут столкнуться студенты с разных факультетов. Всякие общеинститутские заморочки – это уже потом, от них можно и откосить, а от общаги никуда не денешься.

Она протянула листок Дзюбе.

– Что это?

– Меморандум для командира, – усмехнулась Люша. – Чтобы он ничего не забыл. Здесь перечень информации, которую надо собрать в Сереброве. Точно такую же информацию мы будем собирать в Шолохове. Когда вопросы одни и те же, ответы потом легче сличать.

Роман взял листок, быстро пробежал глазами. Четкий крупный почерк, каждый пункт пронумерован. Вот что значит женский подход! Все по порядку, все по списку, все тщательно и без спешки. Сам он ни за что не стал бы ничего записывать, привычно положился бы на свою память... И обязательно что-нибудь забыл бы или упустил. Обычно именно так все и случилось.

Наверху скрипнула дверь, слышались неторопливые тихие шаги, слегка неуверенные: так ходит человек, не до конца проснувшийся.

– Острый приступ, – вялым голосом объявил Дима, спустившись вниз.

Дзюба не на шутку перепугался.

– «Скорую» вызвать?

Люша рассмеялась.

– Острый приступ голода, – объяснила она. – Вечный Димкин прикол. С трех до четырех часов ночи – вынь и положь ему еду, а то не заснет до утра.

Она почти бегом направилась к шкафчику, где лежало «то, что погрызть», и поставила на барную стойку открытую коробку конфет и круглую жестяную синюю коробку с датским печеньем.

– Чайку сделать тебе? – заботливо спросила Люша.

– Угу, – сонно кивнул эксперт.

– А тебе? – обратилась она к Роману.

– Мне тоже, спасибо.

После второй шоколадной конфеты с ореховой начинкой Дима вдруг резко проснулся, взгляд его сделался осмысленным, а выражение лица – живым и заинтересованным.

– Как у вас дела? Есть успехи? Нашли что-нибудь?

– Кое-что нашли, – отозвался Роман. – Надо будет еще информацию пособирать.

– Устали?

– Ну... Есть немного, – признался Дзюба. – Но это ничего, дело привычное.

Люша заварила чай, поставила на барную стойку три чашки, сахарницу и молочник, куда перелила сливки из обнаруженного в холодильнике пакета.

– Командир, а личный вопрос можно? – спросила она.

– Валяй.

– Аня – она тебе кто-то? Или чисто прикрытие?

– Прикрытие.

– А по жизни она кто? Ты вроде говорил, она филолог?

– Ну да. Филфак серебрянского университета закончила.

– И кем она работает с таким образованием? У меня старшая сестрица – филолог, институт культуры закончила, так ни она, ни ее подружки, с которыми она вместе училась, не могут найти работу по специальности. Учителей из педагогического набирают, а преподавательских мест на филфаке на всех не напасешься. В журналистике все тоже битком, а литкритику сегодня никто не читает, кроме специалистов, на этом не заработаешь. Как же твоя Аня выживает?

– Пишет рефераты, контрольные, курсовые и дипломы за деньги.

– Да? – удивилась Люша. – И что, за это много платят?

– Платят мало. Но если много работать, то на жизнь хватает.

– Ну вот я и знаю, что платят-то копейки и при этом хотят оригинальный авторский текст, «Антиплагиатом» все работы проверяют, так что и не схалтуришь особо, чужим не воспользуешься и цитатами объем не наберешь. Сестрица моя пыталась так подрабатывать, но быстро сломалась. Не потянула. Как же Аня справляется?

– Не знаю, – Роман пожал плечами. – Как-то справляется.

Он подумал, что вполне может сейчас задать наконец тот вопрос, который не давал ему покоя. Если Люша решилась спросить о личном, то и он вправе ответить тем же.

– У меня к тебе тоже личный вопрос. Не возражаешь?

– Ты – командир, имеешь право.

– Да при чем тут... Я хотел спросить: почему ты так ярко одеваешься? Нас учили, что опер должен быть незаметным, сливаться с толпой или по меньшей мере со средой тех, кого он разрабатывает. А тебя за километр видно, внимание привлекаешь. В чем фишка?

Дима фыркнул, не успев проглотить чай. Капли брызнули в разные стороны, попав и на Дзюбу, и на Люшу, и на поверхность барной стойки. Люша мгновенно схватила бумажную салфетку из стоящего здесь же держателя и, не говоря ни слова, ловко вытерла воду. Выражение лица ее при этом ни на секунду не изменилось, а руки действовали, казалось, совершенно автоматически и отдельно от самой девушки.

– Праздник, – по обыкновению лаконично разъяснил Дима. – И природная красота. Страшная сила. Лучше так.

Слов было произнесено вроде бы и немало, но Роман все равно ничего не понял. Люша смущенно улыбнулась и слегка покраснела.

– Дима хотел сказать, что если, по легенде, к нам приехали друзья и мы собрались пару дней протусоваться с ночевкой, то это типа праздник, вот я и оделась как бы понаряднее. Наверное, у вас в Москве на вечеринку с друзьями одеваются как-то иначе, у вас же мода столичная, гламур и все такое, а у нас тут провинция, свои вкусы и своя мода. Понаряднее – значит, поярче.

– Эту часть я понял, – кивнул Дзюба. – А с природной красотой что не так?

Люша смутилась еще больше, и Роман с удивлением понял, что она, так ловко переводившая речь своего жениха и так четко формулировавшая собственные соображения, почему-то на такой простой вопрос не может подобрать ответ.

– Не приставай к ребенку, – сурово произнес Дима. – Стесняется. Сам объясню. В натуральном виде Люша – смерть мужикам. Голову теряют, глаза выпучивают, не знают, как подойти и что сказать. Короче – полный абзац. Она маскируется. Такая дурочка-бабочка. Чтоб никто не боялся. Несерьезная такая. Не опасная.

– Вот теперь понял, – улыбнулся Роман. – А что, действительно опасная?

– Полный абзац, – снова повторил эксперт, подтверждая свои слова. – Черный пояс. Нормальный мужик ее, вот такую, как сейчас, даже не заметит. Только придурки на таких клюют.

– А если нужно, чтобы серьезный человек клюнул? По работе нужно, например, – допытывался Дзюба. – Бизнесмен какой-нибудь, профессор или еще кто.

– Тогда натуральная. Но лучше этого не видеть. Спокойнее доживешь.

Люша окончательно смутилась, слезла с высокого барного стула, обошла стойку и принялась доставать из коробок банки с пивом, вскрывать их и выливать содержимое в раковину, расположенную рядом с дверью в служебные помещения и кухню. Все правильно, одобрилительно подумал Роман, молодец, завтра утром нужно предъявить кучу пустых банок в подтверждение того, что встреча старых друзей прошла правильно.

– Ты иди поспи, – сказал Дима, ласково глядя на свою невесту. – А я останусь. Мне одна мысль в голову пришла. Хочу проверить.

– Какая мысль? – встрепенулся Роман.

– Я, пока на работе был, одним глазом материалы посмотрел. Зацепило, – невнятно ответил эксперт. – Ты тоже иди. Один справлюсь.

– Ну уж нет, – возмутился капитан. – Я с тобой останусь.

Дима сел к компьютеру и углубился в изучение материалов. По тому, как он пролистывал, не читая, огромные фрагменты, было понятно, что он ищет что-то конкретное. Роман сидел на диване и клевал носом, то и дело проваливаясь в глубокий, но короткий сон, вставал попить водички, снова садился и снова проваливался...

– Понял.

Роман вздрогнул, открыл глаза, почувствовал, что затекла нога, которую он, усаживаясь, подвернул под себя.

– Что?

– Ты исходил из того, что три: один, один и два. На самом деле два: три и один.

Кошмар... И Люша спит... Не будить же ее! А без нее ничего не понять. Или понять все-таки можно, просто он, Ромчик Дзюба, слишком глубоко заснул и никак не проснется?

Он попытался осознать сказанное, призвав на помощь арифметику. Один, один и два – получается в сумме четыре, а никак не три. А три и один – тоже выходит четыре, хотя эксперт Дима, этот странный гений, утверждает, что вообще должно получиться два.

– Ни фига не понял, – честно признался Роман. – Можно как-то попроще? Ну, как для тупых. На пальцах.

Дима вздохнул.

– Серебров. Экспертизы. Черепно-мозговые травмы.

Он сделал паузу и выжидающе посмотрел на Дзюбу, будто спрашивая: «Это понятно? За мыслью следишь?»

– Ага, – кивнул тот.

– Предполагаемый рост преступника, нанесшего удар по голове.

Снова пауза. И снова кивок в ответ.

– В пятнадцатом году – сто шестьдесят пять – сто семьдесят.

Пауза. Взгляд. Кивок.

– В шестнадцатом году – сто восемьдесят – сто восемьдесят пять.

– Угу.

– Орудия разные.

– М-гм.

– Шолохов, пляж. Ножевые. В пятнадцатом году потерпевший стоял. Предполагаемый рост преступника – сто шестьдесят пять – сто семьдесят.

– Ого!

– В шестнадцатом году потерпевший сидел, картина ножевых другая. Но.

– И?

– Орудие, похоже, идентичное. Фотографии повреждений есть. И описание. Раны – один в один, до миллиметра, до угла. Не веришь – посмотри сам.

Дзюба лихорадочно обдумывал услышанное. Рост Игоря Пескова никто не измерял, но по оценкам адвоката Орлова и полковника Большакова – действительно, чуть больше ста восьмидесяти сантиметров. «Один, один и два» – в переводе означало, что один человек убил Леонида Борискина, другой человек – Егора Анисимова, а третий, Игорь Песков, копируя эти два убийства, лишил жизни алкоголичку Галину Лычкину и задумчивого тихого паренька Витю Юрьева. Именно так и думал до недавнего времени Роман Дзюба. Потом у капитана появилось подозрение, что несчастного Юрьева убил вовсе не Песков, а кто-то совсем неизвестный.

Потом появилось предположение, что Борискина и Анисимова убил один и тот же человек, отправивший обоим письма с обвинением в воровстве. А Игорь Песков по чистому совпадению выбрал именно эти два убийства для копирования.

И вот теперь гениальный Дима утверждает, что убийства Борискина, Анисимова и Юрьева совершены одним и тем же преступником. То есть «три и один» означает, что на совести этого душегуба три трупа, в то время как роль Пескова в комбинации ограничивается всего одним эпизодом – убийством Галины Лычкиной в мае 2016 года. Борискина и Анисимова объединяет загадочный «Вор!!!», тогда как Анисимова и Юрьева – орудие убийства.

Перед глазами Дзюбы расплывались в бесформенные пятна золотые розы, коими щедро украшены были тяжелые шторы на окнах. Он никак не мог сфокусировать взгляд и злился на себя за то, что плохо видит, с трудом думает, и вдруг сообразил, что делать ему в Шолохове больше нечего и нужно завтра возвращаться в Серебров и начинать собирать информацию, тщательно перечисленную на листочке, полученном от Люши. Иными словами – придется

садиться за руль. За какой руль он сможет сесть в таком состоянии?! Доедет максимум до ближайшего столба, в него и упрется. Надо поспать хоть сколько-нибудь...

– Ты мысль-то уловил? – слышался голос Димы.

– Уловил. Проверять надо.

– Ну так и проверь, на то ты и командир.

– Надо с утра ехать к родителям Юрьева, про письмо спросить. Вдруг он тоже получал?

– Люша сделает, – заверил его эксперт. – Еще какие просьбы-поручения?

– Не знаю пока. Не придумал. А судмедэксперт по трупам Анисимова и Юрьева один и тот же?

– Разные. И Бюро разные. Что, на халтуру понадеялся?

– Угу, – кивнул Дзюба, и только потом, через несколько секунд осознал произошедшее: Дима абсолютно точно угадал ход его мыслей. Если описание ран на двух разных трупах сходится до миллиметра и до самого маленького угла, то есть вероятность, пусть и слабая, что судебный медик просто ошибся, вставив в экспертное заключение кусок из прошлогоднего файла. Такое иногда приключается с теми, кто готовит материалы на компьютере – электроника живет своей, какой-то особой и не всегда понятной жизнью и выкидывает самые непредсказуемые фортели.

Похоже, Дима и в самом деле гений!

– А почему Бюро разные? – удивился Роман. – Город же маленький, вам только одно Бюро положено.

– В прошлом году в начале июня крупное ДТП, автобус и фура. Очень много пострадавших, городское Бюро не справлялось, половину отправили на экспертизу в Серебров. Труп Анисимова тоже туда поехал. А в этом году все штатно, Юрьева здесь вскрывали.

Дзюба помолчал, собираясь с мыслями.

– Дима, а вас с Люшей кто отправил мне в помощь?

– Начальник УВД.

– И что сказал?

– По стране идет серия. Человек из Москвы едет разбираться. Надо избежать шумихи.

Предотвратить панику.

– Значит, если нужно будет – он вас прикроет?

– Должен.

Дима помолчал и добавил немного неуверенно:

– По идее.

Фалалеев

Ранним утром следующего дня Фалалеев подъехал на автомобиле к дому, где проживала Анна Зеленцова и снимал квартиру Никита Никоненко, припарковался у самого подъезда, порадовался, что нашлось такое удачное местечко – видно, кто-то из жильцов дома только-только убыл на работу, – и приступил к ожиданию. Ждать пришлось не особенно долго; уже без четверти девять из дома вышел Никита и бодро направился в ту сторону, где была остановка и можно сесть на автобус, идущий до вокзала.

Фалалеев вышел из машины и догнал его.

– С добрым утром, господин Никоненко. Как спали-почивали?

Никита вздрогнул от неожиданности, потом лицо приняло выражение настороженное и даже испуганное.

– А что? Вы передумали? Ехать не надо?

«Выразительная у тебя рожа, – с усмешкой подумал Фалалеев. – Боишься, что диспозиция изменилась и денег тебе не заработать. Ох, и любишь же ты денежки, мальчик Никита!»

– Надо, господин Никоненко, надо, – улыбнулся Фалалеев. – Будьте любезны мне ключики от квартиры.

И протянул руку.

– Зачем?

– Вы же собираетесь сказать своей хозяйке, что по рассеянности захлопнули дверь, оставив ключи внутри, и будете просить ее дать вам ее собственный второй комплект ключей, который, как вы сами мне вчера сказали, находится на общей связке с ключами от ее квартиры. Ведь так? Вы именно это мне сказали?

– Ну, – подтвердил Никита. – Так и есть, она всегда сама открывает, в дверь не звонит.

– А вот представьте ситуацию: вы приезжаете в Шолохов, начинаете с расстроенным видом хлопать себя ушами по щекам, сетовать на собственную рассеянность, извиняться, просить ключи... И в этот момент ключики-то и выпадают из вашего кармана. Как это будет выглядеть?

– Ну чего... – пробормотал молодой человек. – Чего им выпадать? Или я их в сумку могу переложить...

Взгляд Фалалеева стал строгим и холодным.

– Вы забываете, уважаемый господин Никоненко, с кем вам придется иметь дело. Анна Зеленцова, конечно, простушка и домохозяйка, а вот ее любовник человек весьма профессиональный. Вы и глазом моргнуть не успеете, как он, со свойственной ему подозрительностью и недоверчивостью, обшмонает и ваши карманы, и вашу сумку. Стоит вам только отойти на две минуты пописать или попить водички – и ап! – дело сделано. А я, мой дорогой друг, тоже человек профессиональный и поэтому тоже недоверчив и подозрителен. Вы ведь получили от меня вчера предоплату, не так ли?

– Ну, так, – угрюмо подтвердил Никита.

– И что же может вам помешать притвориться, что вы уехали выполнять мою просьбу, а на самом деле добратся до торгово-развлекательного центра, поглазеть на витрины, съесть пиццу в кафе, посмотреть кино, потом вернуться и затаиться, не открывая мне дверь и делать вид, что вы меня не знаете? Ничто не может, – ответил Фалалеев на собственный вопрос. – У вас есть выбор: сделать работу и молчать за пятьдесят тысяч, или ничего не делать за двадцать пять. Я не настолько хорошо вас знаю, чтобы быть уверенным в вашем выборе. Так что давайте-ка ключики, получите их назад, когда вернетесь. Заодно и расскажете мне подробенько о своей поездке, и оставшиеся денежки получите. Так будет спокойнее и вам, и мне.

Никита с недовольным видом вытащил из кармана ключи и сунул в протянутую руку Фалалеева.

– И где я потом буду вас искать? – проворчал он.

– Меня не нужно искать, – голос Фалалеева звучал ласково и утешительно. – Я буду здесь. Не волнуйтесь, я вас увижу.

Он и в самом деле не был уверен в этом парне. Жадный, мечтающий о деньгах – да, несомненно. Но вот насколько он умен и хитер? В какой мере доверчив и простодушен?

Дождавшись, когда долговязая фигура Никоненко скрылась за углом, Фалалеев не спеша вернулся к машине, завел двигатель и поехал на вокзал. Занял удобную позицию, позволяющую, оставаясь незамеченным, обозревать платформу, от которой будет отходить ближайшая электричка до Шолохова, убедился, что Никита сел во второй вагон от хвоста поезда, дождался отправления и вернулся к дому Зеленцовой. Расписание электричек он предварительно изучил: даже если Никита решит схитрить, выйти на первой же остановке, дожидаться встречного поезда и на нем вернуться в город, это ничего не изменит. Все равно возле своего дома он покажется не раньше чем через три, а то и четыре часа, ведь ключей-то у него нет, зато риск, что Фалалеев засечет его возвращение намного раньше намеченного срока – есть, и немалый.

Но так много времени Фалалееву и не нужно, он управится куда быстрее. Сигнализации в квартире нет, это он еще вчера приметил. Войдя, аккуратно притворил дверь, на всякий случай вставил ключ изнутри и провернул в замке, натянул бахилы, осмотрелся. По сравнению со вчерашним вечером изменений немного: еще одна немытая чашка возле компьютера, давешняя синяя футболка, в которой был Никита, валяется на стуле, а вот черного свитера нет, видно, парень его надел в поездку. Проверил полки в шкафах и ящики, так, для проформы: у нынешнего поколения вся жизнь – в компьютерах и прочих девайсах, бумажными документами они не обрастают и напечатанные фотографии не хранят. Как и ожидалось, ничего не нашел.

Теперь компьютер. Как говорится, сладкое – на третье. Пароль, само собой, куда ж без этого. Никаких проблем, есть техника, есть программы, есть собственные навыки. Да и не таким уж сложным этот пароль оказался, похоже, мальчику не от кого прятаться и нечего скрывать. Запароливал, видать, больше для блезиру, для понтов дешевых, дескать, я крутой компьютерщик.

Так, что у нас тут... Ого!

Вот это уже любопытно. Крайне любопытно.

Анна

Анна проснулась ни свет ни заря, спустилась вниз и обнаружила множество следов ночного бдения и поспешного завтрака. Немытые чашки, тарелки с хлебными крошками, остатки печенья в открытой жестяной коробке, наполовину опустошенная коробка конфет, стаканы с засохшими на дне следами томатного сока. Все работали, что-то обсуждали, а ее отправили спать, как будто она прислуга какая-то и годится только на то, чтобы подогреть приготовленную поваром еду и подать на стол. Как будто она сама хуже приготовила бы! Низвели ее до уровня подавальщицы в заводской столовке.

Никого не было. Курток Димы и Люши и их рюкзаков не было тоже. А вот куртка Гудвина на месте. Где же он сам-то?

Рядом со своим ноутбуком Анна обнаружила записку: «Мышонок, я вырубаюсь, пойду посплю. Если что – буди. Г.» Внизу приписка: «Ничего не убирай!!!»

Да, как же, не убирай! Анна терпеть не может беспорядка и грязи, и пить кофе и завтракать в таком бардаке ей противно. Очень хотелось собрать и вымыть посуду, сложить в мешок и вынести пустые пивные банки, от которых исходила отвратительная вонь, оттереть специальным средством пятна на столе и барной стойке, убрать все лишнее в шкафчики, сделать на кухне вкусный завтрак, красиво накрыть... Но Гудвин не разрешает. Почему-то он считает, что у мажора, каким он себя позиционирует в глазах Никитича или еще каких-то посторонних, не может быть чистоplotной, аккуратной и домовитой подружки. Ну, кто его знает, может быть, он и прав... Анна мало видела мальчиков-мажоров и ни с кем из них не общалась настолько близко, чтобы понимать, какие у них могут быть подружки, а какие не могут.

Тяжело вздохнув, она включила кофемашину, сделала себе кофе, достала из холодильника остатки вчерашнего ужина, оценила выбор. Судя по числу котлет, именно их клали на ночные и предраcсветные бутерброды: после ужина оставалось пять штук, теперь же в пластиковом контейнере гордо сучала всего одна. Нарезанную толстыми ломтями сочную буженину, которую накануне с таким удовольствием уплетал эксперт Дима, приговорили всю, без остатка. Зато красную рыбу холодного копчения почти не ели – суховата и солоновата оказалась. Под пиво улетела бы – только в путь! Но пиво-то не пили. Раковина источала такое амбре, что сомневаться не приходилось: пиво сюда вылили, а пролить водой трубу и смыть поверхность никто не догадался. Анна брезгливо сморщила нос, открыла на полную мощность холодную воду, попыталась найти губку и чистящее средство, но ничего не нашла и удовольствовалась тем, что оставила воду литься в течение нескольких минут.

Чашка кофе, горсть печенья – и за работу. У Гудвина свои заботы, а ей нужно текст написать, срок в агентстве ей дали маленький, впрочем, как и всегда: почему-то студенты, заранее зная тему, никогда вовремя не заказывают письменную работу, тянут до последнего. Неужели они надеются, что соберутся с силами написать самостоятельно? Анна хорошо помнила, что тему, к примеру, курсовой они выбирали в самом начале второго семестра, когда до подачи было еще целых четыре месяца. Тему диплома вообще определяли чуть ли не за полгода. Ну почему, почему нужно ждать, когда останется всего какая-то жалкая неделя?!

О чем пушкинская «Метель»? О невероятном стечении обстоятельств? О необыкновенном совпадении? О любви? Или о цене ошибки, когда за неосторожность и глупость приходится расплачиваться не только тебе самому, но и другим, порой совершенно посторонним людям? И цена эта столь высока, что, если бы не чистая случайность, люди до конца жизни оставались бы глубоко несчастными и страдали.

«Приготовляться к свадьбе...» Какое прелестное выражение! Интересно, самой Анне суждено когда-нибудь «приготовляться» к этому событию?

Мысль съехала на мать и на ее свадьбу с Никитой, которого Анна активно не любила. На свадьбу, состоявшуюся в том городе, куда мать уехала с новым избранником, Анна съездила для приличия, хотя и очень не хотелось. Поприсутствовала на регистрации, посидела в ресторане буквально час-полтора и сбежала в аэропорт, сославшись на вечерний рейс в Серебров: якобы на завтрашний рейс не смогла достать билет, а послезавтра ей обязательно нужно быть в институте, у нее коллоквиум. Это было ложью, никакого коллоквиума не намечалось, и на свадьбу матери Анну в деканате отпустили на целых три дня, и билеты свободно продавались на все рейсы. Но видеть сияющую довольную мать рядом с мужчиной, который оказался дороже и нужнее дочери, Анне было невыносимо. Билет на завтрашний рейс она легко обменяла в аэропорту и улетела домой тем же вечером. «Он хороший, а я плохая, – металась и была в виски горькая мысль. – Он достойный, а я нет. Она хочет быть рядом с ним, а рядом со мной – не хочет».

Мать была активным пользователем соцсетей, имела свои странички и постоянно выкладывала в них фотографии, на которых они с Никитой красовались то на пикниках, то в гостях, то в театральном фойе, то на фоне египетских пирамид и всяких прочих достопримечательностей, которые посещали во время отпусков. Здесь, в Сереброве, она не заводила домашних животных, говорила, что не любит их, и категорически отказывала Ане, когда та слезно умоляла купить собачку или кошечку. А там, в новой жизни с ненавистным Никитой, у матери были две собаки, фотографии которых тоже с раздражающей регулярностью появлялись и обновлялись во всех посещаемых сетях. Анна настороженно и с какой-то болезненной ревностью регулярно мониторила странички матери и могла, казалось, с точностью до часа сказать, когда и где она бывала.

Ладно, продолжим «приуговливаться»... Нет, еще пять минуточек, она только быстро проверит, не появилось ли чего нового в постах матери или в альбомах с фотографиями. Собственные тексты мать писала не часто, примерно пару раз в месяц, но ленту просматривала регулярно, порой даже по несколько раз в день и делала репосты того, что привлекло ее внимание. По содержанию репостов на стене Анна почти всегда могла сделать вывод о том, в каком настроении мать, что ее тревожит или интересует в данный момент.

Анна стыдилась себя в такие минуты. Нежелание общаться с матерью и обида на нее казались девушке несовместимыми с тем жгучим интересом, который она испытывала к жизни матери. Если несовместимо, значит, неправильно. А если неправильно, значит, плохо. И снова получается, что она, Анна, плохая, неправильная, ни на что не годная и вообще полный лузер.

Почувствовав, что еще чуть-чуть – и начнет раскручиваться гнев пополам с тоской, она с усилием вышла из сети и снова вернулась к Пушкину. Ей удалось заставить себя настроиться на работу, и дело пошло даже легче, чем она надеялась. Анна так увлеклась, что не сразу осознала источник звука, который вдруг начал ей мешать.

Оказалось, стучали в дверь.

– Входите! – громко крикнула она, не желая отрываться от текста, который совершенно неожиданно так легко возникал на экране.

Скрипнула дверь, раздался голос Никитича:

– Утро доброе, гости дорогие. Там вас спрашивают.

Анна сняла руки с клавиатуры и непонимающе уставилась на зрителя. Он был все в том же камуфляже, лицо чисто выбрито, плечи расправлены.

– Кто? Ребята? Пусть заходят, что вы их на улице держите! – сердито ответила Анна.

– Нет, молодой человек. Представился как Никоненко.

Этого еще не хватало! Какого лешего он приперся? И вообще, как он их нашел? Или это не квартирант, а какой-то совсем другой Никоненко? Мало ли однофамильцев, даже актер такой есть, Сергей Никоненко...

– Высокий, худой, в очках? – на всякий случай уточнила она.

– Совершенно верно, именно такой. Так пустить его? Или гнать в три шеи?

– Впускайте, – безнадежно разрешила Анна. – Я его знаю.

– А с завтраком как распорядитесь? – спросил Никитич, не трогаясь с места. – Повара вызывать? Или прикажете в магазин сгонять за продуктами? Я все ждал-ждал с раннего утра, что вы насчет завтрака указания дадите, а вы не идете и не идете... Я уж подумал, что до самого утра гуляли с друзьями, а теперь отсыпаетесь.

– Ромка отсыпается, – улыбнулась Анна, стараясь скрыть неловкость, охватившую ее от всех этих «распорядитесь» и «дадите указания». Никогда она не чувствовала себя барыней и становиться ею не имела ни малейшего желания. «Хотя прикольно!» – подумалось ей. – А я вот проснулась рано и с подружками в сети болтаю, про нашу вечеринку рассказываю.

– Так насчет завтрака-то, – напомнил Никитич. – С продуктами как?

– Мне ничего не нужно, а Ромка, наверное, до самого обеда спать будет.

Смотритель-охранник окинул внимательным взглядом просторное помещение, задержал глаза на куче банок из-под пива, на грязных чашках, стаканах и тарелках.

– Уборку бы надо произвести, – сказал он. – Когда можно горничную прислать? Она тут недалеко живет, в поселке, минут за двадцать доберется.

– Мне все равно, хоть сейчас пусть приходит, только чтобы не шумела, а то Ромку разбудит. Гостя-то зовите в дом, а то он там замерзнет.

Никитич вышел, а через несколько секунд на пороге возник квартирант. Вид у него был виноватый и немного затравленный.

– И что? – сурово спросила Анна с места в карьер, не намереваясь вести долгие вежливые разговоры с «этим козлом». – Дом сгорел? Как ты вообще меня нашел?

– Ты сама сказала, что будешь в гостевом домике на водохранилище. Я в Интернете посмотрел – он тут всего один такой.

– Ну ладно. Так что случилось?

– Ань, я... это... В общем, я лопух, дверь захлопнул, а ключи в квартире остались. У тебя же есть вторые ключи.

– Есть, – кивнула она. – И их ты тоже оставишь в квартире. Что будем делать тогда? Дверь ломать? Третьего комплекта нет, имей в виду.

– Ань, я все понимаю, я... Я буду внимательным, честное слово! А ты что, одна тут? Где твой ухажер?

– Наверху, спит. Тебе не все равно?

– Не, ну... это... Интересно, как богатые живут, я в таких местах не бывал. Дом покажешь?

– Перебьешься.

– Да ладно тебе, Ань, ну чего ты? – заныл квартирант. – Дай хоть одним глазком глянуть, чего тут и как. А баня есть? А бассейн?

– Ага, есть, баня и бассейн с девочками. Подожди, я за ключами схожу, они в сумке наверху.

– Ты не торопись, – с глупым смешком бросил ей вслед квартирант, – я пока хоть осмотрюсь, удовлетворю любопытство.

Анна поднялась в комнату – одну из трех спален, достала связку ключей, отделила от нее два ключа от квартиры на третьем этаже. Она очень старалась не производить никакого шума, но когда уже выходила из комнаты, невесть откуда взявшийся сильный сквозняк буквально вырвал дверную ручку из ее пальцев и с силой толкнул дверь, которая захлопнулась с громким стуком. Она была еще только на середине лестницы, ведущей на первый этаж, когда услышала, как из своей комнаты вышел Гудвин.

– Что тут у вас?

Он стоял на площадке босой, в спортивных штанах, с обнаженным мускулистым торсом, сонным мятым лицом и взъерошенными волосами. Анна растерялась, остановилась на ступеньке, не зная, как правильно себя повести, чтобы и Гудвина не подставить, и «этого козла» осадить.

– Что случилось, Мышонок? – повторил Гудвин.

– Никита приехал за ключами, – выговорила она наконец, взяв себя в руки. – Он дверь захлопнул, теперь войти не может.

– Никита? А где он?

Только тут Анна сообразила, что не видит своего квартиранта. Он куда-то исчез из ее поля зрения. Бегом спустившись вниз, она огляделась: сумка Никиты стоит посреди комнаты, а самого его нет. Почти сразу же послышался звук воды в сливном бачке унитаза, потом и Никита появился.

– Здорово! – радостно крикнул он стоящему на верхней площадке Роману. – Извини, что потревожил, у вас тут романтическое всякое такое, а я влез...

– Как влез – так и вылезешь, – пробурчала Анна себе под нос.

И уже в полный голос добавила:

– Ничего страшного, никакого беспокойства. До вокзала сам доберешься? Или попросить Никитича вызвать тебе такси?

Ей казалось, что она вполне ясно дала понять своему квартиранту: дверь открыта, выход – там. Но квартирант не желал проявлять понятливость.

– Такси я и сам могу вызвать, – весело ответил он. – А чайку здесь не наливают?

Анна собралась было ответить резкостью, но в этот момент Гудвин уже оказался рядом с ней. И как он успел так быстро и неслышно спуститься? Анна моргнуть не успела, как почувствовала, что ее спина прижата к его голой груди, а руки Романа плотно обхватили ее под грудью. Тело его было сильным, большим, теплым, пахло гелем для душа, сном и совсем чуть-чуть – здоровым потом.

– Ты извини, дружище, – прогудел прямо над ее ухом голос Гудвина, – у нас времени не так много, и не для того я этот дом снимал, чтобы чай с тобой распивать. Не обижайся, но гостеприимство – не сегодня. Лады?

Квартирант, казалось, нисколько не был ни обескуражен, ни обижен.

– Да не вопрос, все понял, не маленький. Счастливо оставаться!

Он сунул ключи в карман, потыкал пальцами в телефон, вызывая такси, помахал рукой и исчез. Пока за ним не закрылась дверь, Гудвин продолжал обнимать Анну. Или делал вид, что обнимает. И только услышав скрип калитки, отпустил ее и отступил на шаг назад.

– Бедолага, – с искренним сочувствием произнес он.

– Почему?

– Потому что влюбился в тебя. А тут я. Думаешь, ему приятно смотреть, как мы обнимаемся?

– Тогда зачем же ты...

– Для картинки. Роль нужно не только играть, но и доигрывать до конца, меня так учили.

– Ладно, поняла. Ты уже встал или пойдешь досыпать?

– Выспался уже, мне достаточно.

Он огляделся по сторонам.

– Ну и свинство мы тут ночью развели...

– Никитич обещал горничную прислать. Слушай, Гудвин, все-таки мне кажется, что ты ошибаешься насчет этого козла.

– Ошибаюсь? В чем?

– Ну, что он мной интересуется. Я ничего такого не заметила. Вот ты меня обнимал, а ему как будто даже неприятно не было. Я специально смотрела, – задумчиво сказала Анна. – Мне даже показалось, что он радуется.

– Радовался он тому, что нашел тебя и раздобыл ключи. И по сравнению с этой победой все прочее казалось ему мелким и несущественным. Тем более я сказал, что времени у нас мало. Это же означает, что я скоро свалю в свою златоглавую столицу и ты снова будешь безраздельно принадлежать ему.

– Думаешь? – с сомнением спросила она.

– Уверен. Скажу тебе больше: твой Никита ужасно нервничал. Он был так напряжен, что у него синева вокруг рта проступила. А с чего бы ему нервничать, если он к тебе равнодушен?

– Гудвин! Он не «мой», он козел!

– Не цепляйся к словам. Ты завтракала?

– Кофе выпила с печеньем, все равно ничего больше нет, вы весь хлеб съели за ночь, даже котлету положить не на что.

Она вовсе не собиралась его упрекать, но все равно слова эти прозвучали как-то недовольно. Анна услышала собственный голос будто со стороны и снова расстроилась: «Вечно из меня эмоции лезут, когда надо и когда не надо. И как это люди умудряются владеть собой при любых обстоятельствах?» И дело ведь не в том, что ребята съели весь хлеб! Съели – и на здоровье, они всю ночь работали. Дело в этом ужасном, отвратительном сочетании слов «твой Никита». Мало того что она не выносит этого имени – имени человека, который для матери оказался важнее и дороже Анны, так еще и местоимение! Вот она и разозлилась, и сорвалась. Но Гудвин ничего про мать с Никитой не знает, да и про саму Анну не знает тоже, поэтому для него злость в ее голосе прозвучала совсем иначе и относилась к тому злосчастному хлебу, которого ей не досталось на завтрак. «И почему я такая нескладная!» – сердито подумала она и снова уселась к своему ноутбуку.

Орлов

– Грэнни привезет нас...

Малыш загнулся, вспоминая слово, и закончил по-английски:

– Soon.

– Скоро, – шепотом подсказала братику девочка-афроамериканка.

– Да, скоро, – радостно повторил сероглазый мальчик с кудрявыми светло-каштановыми волосиками.

– Значит, скоро увидимся! – радостно откликнулся Борис Александрович. – Учи русский язык как следует, здесь он тебе пригодится.

Из четверых приемных детей троих взяли в семью в младенчестве, и двуязычие было для них абсолютной нормой: ребятишки одинаково свободно говорили и по-английски, и по-русски. А маленького Фрэнка усыновили в возрасте трех с половиной лет, и вторым языком он пока владел не очень хорошо.

Скоро в Москву прилетит жена Орлова Татьяна с двумя внуками: пятилетним Фрэнком и семилетней Дженнифер – самой первой оказавшейся в семье дочери Орлова Алисы и ее мужа. Девочку удочерили сразу после свадьбы: молодожены с самого начала знали, что своих детей им иметь нельзя, и заранее решили, что будут брать приемных. Борис Александрович Орлов был человеком, что называется, семейным: в одиночестве, конечно, не тосковал и не пропадал, но все-таки чувствовал себя намного лучше, когда любимая жена Танюшка была рядом. А уж если двоих внуков привезет, то жизнь настанет просто-таки райская! Осталось потерпеть всего две недельки – и дом наполнится радостью, теплом и голосами, запахами компота и выпечки, повсюду разбросанными детскими вещами. Как Орлов скучал по всему этому!

Он с сожалением выключил компьютер. Надо заняться делами. И первое и главное из этих дел – поручение Большакова. Все, что можно было извлечь из материалов, собранных покойным отцом, Александром Ивановичем, Борис доложил Большакову, но этого оказалось недостаточно. Требовалось снова встретиться с людьми, знавшими Игоря Пескова, и поговорить с ними. Оперативник, который уже проделывал эту работу, сам признался, что из-за нехватки времени сделал что-то не так. Что именно было «не так» – парень ответить не смог, а вот ощущение допущенной ошибки, или, как нынче модно говорить, косяка, у него осталось. Нужно попробовать исправить ошибку, если она вообще была, и делать это нужно быстро. Большаков очень просил поторопиться.

Борис Александрович Орлов умел извлекать уроки из всего, что встречалось на его жизненном пути, и на одни и те же грабли старался по возможности не наступать. Прошедшая перед его глазами жизнь отца, Александра Ивановича, научила Бориса внимательно относиться к прошлому, причем не только к своему собственному, но и к прошлому своих родных. Поэтому, когда отец перед смертью попросил его «не бросать Игоря», Борис Александрович отнесся к этим словам со всей серьезностью и присущей ему ответственностью.

Впервые Игоря Пескова Борис Александрович увидел в конце 1988 года в доме у родителей. Александр Иванович вел в суде защиту Вадима Пескова, обвиняемого в убийстве жены. Двенадцатилетнего Игорька в тот момент уже опекала тетка, сестра подсудимого, но паренек был таким жалким, тихим, отчаявшимся, что сердце разрывалось при виде его налитых слезами глаз. Стараясь собрать как можно больше сведений о семейной жизни супругов Песковых, Александр Иванович проводил много времени в разговорах с их сыном, и как-то так сложилось с самого начала, что разговоры эти велись всегда дома у адвоката Орлова. Мальчика кормили, угощали чаем и сладостями, иногда оставляли ночевать, особенно часто – перед началом судебного заседания: постоянно плачущая и истерящая тетка была бы Игорю плохой компанией.

После суда, закончившегося вынесением сурового приговора, Игорь вплоть до получения решения по кассационной жалобе адвоката жил у Орловых.

– А вдруг что-то хорошее решат про папу? – твердил он. – Вы узнаете – и я тоже сразу узнаю.

В удовлетворении кассационной жалобы было отказано, и Вадим Песков отправился в колонию усиленного режима отбывать срок, а его сын вернулся к тетке, у которой и прожил до самого ухода на армейскую службу.

После возвращения отца из колонии Игорь снова объявился у Александра Ивановича.

– Теперь законы новые. Можно что-то сделать, чтобы отца реабилитировать? – спросил он старого адвоката.

– Можно, если твой отец приведет какие-то новые доказательства в пользу своей невиновности. Но это чисто теоретически, – честно ответил Александр Иванович. – На практике такого не бывает, насколько мне известно. Единственный возможный вариант – это найти того, кто признает свою вину в убийстве твоей мамы, более того, не просто признает, а сможет ее доказать. Убедительно доказать. Ты должен понимать, Игорек, что мы имеем дело с государственной машиной, которая очень не любит признавать свои ошибки и платить за них. Признать приговор неправомерным – задача трудная. Твой отец готов бороться? У него есть что сказать нового?

– В том-то и дело, что нет, – удрученно ответил Игорь. – Папа и раньше был тихим, а теперь вообще стал блаженным каким-то. В Бога верит, в церковь ходит, устроился на работу сторожем, целыми днями какую-то религиозную литературу читает, ничего ему не нужно, всем доволен. Он не будет добиваться справедливости. А без него никак нельзя?

– Никак, – развел руками адвокат. – Если только попытаться воздействовать на прокуратуру через прессу. Написать хороший яркий материал, поднять шум, взбудоражить общественность, тогда есть надежда, что прокуратура пошевелится и кому-нибудь дадут поручение изучить материалы дела. Других путей нет. Но и этот путь ни к чему не приведет, скорее всего.

– Почему?

– Потому что дело совершенно чистое, в нем нет ни одного процессуального нарушения, там придраться не к чему. Я же изучал его, поэтому могу судить. Была бы там хоть одна запятая не на месте – я бы использовал это на суде, можешь мне поверить.

– Но папа не может быть виноват! – в отчаянии воскликнул молодой человек. – Я не верю!

– Дружок, – мягко проговорил Александр Иванович, – проверка материалов дела прокуратурой означает именно и только проверку самих материалов на предмет допущенных нарушений, а не новое расследование. Таков закон. Никаких нарушений в деле нет. Если ты добиваешься нового расследования, то нужны новые факты, новые обстоятельства, которые ранее не были установлены и проверены. До тех пор пока Вадим Семенович такие факты не предоставит, ничего не получится.

– Все равно я попробую, – упрямо заявил Игорь. – Буду писать во все инстанции. Вы мне поможете? Подскажете, куда и на чье имя писать и как правильно сформулировать?

Орлов-старший помогал и подсказывал, но результаты были предсказуемыми и одинаковыми: для пересмотра дела оснований не усматривается.

– Игорь, а может быть, ты все-таки уговоришь отца? – как-то спросил Александр Иванович. – Если ему есть что сказать.

– Не хочет он ничего говорить. И вообще ничего не хочет. И не разговаривает со мной об этом, – ответил Игорь сердито.

– А с кем он разговаривает? Может быть, обратиться к тем, с кем он общается, и попросить воздействовать на него? – предложил адвокат.

На самом деле Орлов-старший ни минуты не сомневался в виновности Вадима Пескова, хотя сам Песков вины своей не признавал ни на следствии, ни на суде. Он просто ничего не помнил. Был мертвецки пьян. И о том, как и почему совершил убийство, рассказать не мог.

Но если мальчик хочет чего-то добиваться, то нельзя же не помочь! И потом: а вдруг и в самом деле есть какие-то обстоятельства, о которых Вадим мог бы рассказать и которые дадут основания для пересмотра? Чего в жизни не бывает?

– Да ни с кем он не общается, – с досадой бросил Игорь. – Бирюк бирюком живет. Какие-то мужики то и дело появляются, он с ними поговорит полчаса, и они уходят.

– Какие мужики?

– Ну, я так понял, сидели вместе.

– Отец с ними выпивает?

– Нет, он как вернулся – ни грамма не выпил, совсем завязал. Я ж говорю: в церковь ходит, над кроватью икону повесил, молится. Каждый раз, когда я пытаюсь поговорить с ним об... ну, в общем, о том, что случилось, он отвечает: «Я виноват. Не надо было водку пить. Грех это. Согрешил – отвечай. Я и ответил. Никакой другой справедливости нет и быть не может». Вот и весь разговор.

Встречи с Игорем становились со временем все реже и реже. Но Александр Иванович искренне сочувствовал парню, так трагически потерявшему мать и не желавшему верить в то, что его любимый отец – преступник, убийца. Старый адвокат не забыл Игоря Пескова и просил своего сына, тоже адвоката, помочь Игорю, если возникнет необходимость. Все-таки пока Вадим жив – остается надежда, что он решится заговорить. Конечно, если ему есть что сказать.

Александр Иванович Орлов умер, спустя несколько лет скончался и Вадим Семенович Песков, а потом на пороге квартиры Бориса Александровича внезапно появился Игорь.

– Я хочу добиваться посмертной реабилитации отца, – заявил он, окрепший и возмужавший за эти годы. – Помогите мне получить его уголовное дело.

– Дело тебе никто не даст, – рассмеялся Борис Александрович. – Оно в архиве Мосгорсуда. Получить его могут только прокурорские или судебные работники.

– Но обвиняемый же имеет право знакомиться с делом! Я читал закон, я знаю!

– Не обвиняемый, а подсудимый, – поправил его Орлов. – Это разные вещи. И потом, ты не подсудимый, ты – родственник осужденного, отбывшего наказание, на тебя это право не распространяется.

Игорь помолчал, потом глаза его сверкнули решимостью.

– Александр Иванович мне говорил, что очень тщательно изучил материалы дела. Он готовился к суду, делал много записей, я сам видел. Эти записи сохранились?

Орлов пожал плечами:

– Наверное. После смерти отца я собрал весь его домашний архив и перевез к себе, надо посмотреть, есть ли там что-нибудь. Ты все-таки учти, что прошло очень много лет, суд был в восемьдесят девятом, а до две тысячи третьего года отец еще активно работал, записи копились, папки громоздились, а квартира-то не безразмерная. Он вполне мог что-то выбрасывать.

– Но вы все-таки посмотрите, – попросил Игорь.

Борис Александрович пообещал поискать и обещание свое выполнил, хотя и не сразу: на то, чтобы разобрать отцовский архив, требовался не один день, а тут Алиса собралась замуж за своего американца, начались хлопоты с визами и подготовкой к свадьбе, а также бурное обсуждение кандидатуры ребенка, которого жених и невеста уже присмотрели для усыновления. Вопрос, собственно, состоял не в самом ребенке – пятимесячной афроамериканке Дженнифер, а в том, нужно ли так торопиться. Борис искренне не понимал, какая необходимость брать в семью ребенка сразу после свадьбы, но Татьяна полностью поддерживала молодых и считала, что чем моложе родители – тем лучше: больше сил, больше здоровья.

– Не забывай: Лисик и ее жених очень больны, – говорила Татьяна. – Да, лечение их поддерживает, и они проживут, если бог даст, очень долго, но мало ли что... Пока у них все нормально и есть силы – пусть растят деток, пусть создают полноценную семью.

Эти разговоры и все прочие заботы отвлекали, и окончательно разобраться с многочисленными толстыми папками Орлова-старшего удалось далеко не сразу.

Записи по делу Пескова нашлись, и было их действительно много. Похоже, Александр Иванович ухитрился переписать от руки каждый документ почти целиком. Орлов позвонил Игорю и сказал, что тот может забрать материалы. Но с непременным условием: впоследствии вернуть их Борису Александровичу.

Игорь изучал записи долго и вдумчиво, при этом почти каждый день звонил Орлову и возбужденным голосом спрашивал, не может ли вот этот факт, или вот это обстоятельство, или вот так сформулированное заключение, или зачеркнутое и исправленное слово стать основанием для пересмотра дела. Орлов удрученно вздыхал и терпеливо разъяснял: нет, не может.

Справедливости ради надо отметить, что две-три шероховатости Песков все-таки отыскал, но то были именно всего лишь мелкие недочеты, никак не влияющие на законность и обоснованность процессуальных решений. И тем не менее, услышав от Орлова заветные слова: «Да, здесь допущена неточность», Игорь воодушевлялся и принимался составлять жалобы, прошения, обращения в СМИ, в Генпрокуратуру, в Комиссию по правам человека, в Верховный суд... Орлов знал, что все это бесполезно и ни к чему не приведет, но вразумить сына, пытающегося восстановить справедливость и доброе имя отца, было невозможно. Да, наверное, и неправильно даже пытаться. Не сможет человек жить спокойно, зная, что не сделал всего, что было в его силах. Уж это-то Борис Орлов знал очень хорошо. Этому его научили и жизнь отца, и его собственная борьба за здоровье дочери Алисы, когда единственным спасением для ребенка было невероятно дорогостоящее лекарство и надо было любыми способами заработать деньги на лечение.

Когда Орлову предложили принять участие в программе Ионова, он без колебаний согласился: к органам внутренних дел у него скопилось множество претензий, и он, бывший следователь, не ужившийся в свое время с силовым предпринимательством, лучше многих других знал и понимал хитрости, при помощи которых гражданам перекрывали доступ к правосудию. Узнав же, что программе требуются не только специалисты-юристы, но и просто энтузиасты, готовые работать бесплатно, ради идеи, вспомнил об Игоре Пескове. Вот уж кто ненавидит правоохранительную систему! Вот кто живота не пощадит в праведной борьбе!

Игорю объяснили задачу: он будет получать списки тех людей, которые обратились в полицию с заявлением о преступлении и не дождались никакой реакции. Или дождались (спустя весьма длительное время, что тоже, как и отсутствие реакции, является нарушением закона) отказа в возбуждении уголовного дела. Ему нужно будет знакомиться с этими людьми и ненавязчиво советовать им обратиться за помощью к юристу, который знает, как составить жалобу на бездействие полиции или на незаконный отказ и куда ее направить. Если человек соглашался – в дело вступали сотрудничающие с программой адвокаты, в том числе и Борис Орлов.

Какое-то время все шло относительно гладко, а потом Игорь начал бунтовать. Он считал, что программа движется черепашьям шагом и что такими методами они ничего никогда не добьются. «Нужно поднимать народ на бунт! – говорил он, сверкая глазами. – Нужно разрушить эту гнилую систему насильственным и быстро и на ее месте сразу же построить новую!» Ему объясняли, что так нельзя, приводили исторические примеры, убеждали, уговаривали...

И вот он все-таки сорвался. Исчез. Но это никого особенно не насторожило, пока не всплыли эти «парные» убийства. На сегодняшний день распространение информации удалось затормозить, но если она все-таки просочится вовне, то может породить панику в населении,

а вслед за ней – тот самый неуправляемый бунт, который столь опасен и который необходимо предотвратить.

Игорь уехал из Москвы в апреле. Почему? Началось развитие психоза? Или что-то случилось? Почему именно тогда он принял решение начать свой крестовый поход за перестройку правоохранительной системы?

Как бы там ни было, а нужно повторить весь путь, проделанный оперативником Дзюбой, и задать людям множество вопросов, чтобы получить возможность составить хотя бы приблизительный портрет Игоря Пескова. Сам Орлов мог бы рассказать о нем очень немного: упрямый, целеустремленный, не пьет, не курит. Вот, пожалуй, и все.

Дзюба

Люша появилась вскоре после полудня, одетая несколько иначе, чем накануне, но по-прежнему броско и безвкусно. Сегодня куртка была кислотно-зеленой, шарф – фиолетовым, а леопардовые лосины заменены такими же облегающими брючками расцветки «под питона». Дзюба, опираясь на полученную ночью от Димы информацию, пристально оглядел ноги девушки и хмыкнул: и в самом деле, пятнистый рисунок заметно искажает истинную форму ног, не дает ее рассмотреть, а ноги-то у Люши замечательные, с таких ног только скульптуры ваять.

– Была у родителей Юрьева и у сестры Анисимова, – сообщила Люша. – Юрьев никаких писем не получал, во всяком случае, родители ничего об этом не знают. И насчет того, что кто-то обвинял его в воровстве, тоже не слышали. Короче, у Юрьевых – полный ноль. У Анисимова получше: сестра сказала, что Егор был очень трудолюбивым с самого детства и лет с тринадцати уже подрабатывал, где мог, семье помогал. И пока учился в институте, тоже все время подрабатывал, то грузчиком, то курьером, то еще кем-то.

– Понял, – кивнул Дзюба. – Кроме сокурсников и общаги, нужно еще проверить места подработок. Может, он как раз там что-то натворил такое, за что его вором называли. Придется тебе искать здесь друзей-приятелей Анисимова и выяснять, когда, где и кем он подрабатывал.

– Да брось, командир, – фыркнула Люша. – Эти подработки были сто лет назад, а обвинение в воровстве пришло только в прошлом году. Чего этот обвинитель ждал-то столько времени?

– Ну, мало ли, как бывает... Вернусь в Серебров – займусь Борискиным, с его родителями дело должно легче пойти, все-таки парень жил с ними вместе, пока учился.

– Командир...

Люша собралась что-то сказать, но внезапно смутилась и покраснела точно так же, как краснела ночью, когда ее жених объяснял Дзюбе магическую силу ее природной красоты.

– Если наш начальник УВД дал команду, чтобы мы с тобой неофициально работали, значит, у тебя есть на него выходы? – выпалила она.

– У меня – нет, – признался Роман. – Я даже не знаю, как его зовут и как он выглядит. Но на человека, который попросил вашего начальника, у меня выход есть. А что? Что-то нужно?

Люша снова замаялась, потом подняла на Дзюбу взгляд, полный отчаянной решимости.

– Командир, ты можешь устроить так, чтобы я сама довела это дело? Осталась-то совсем ерунда: сгонять в Серебров, поговорить с родителями Борискина, с его друзьями, собрать полный перечень мест, где Борискин мог теоретически пересечься с Анисимовым, потом покопаться в этих местах и найти того, кто мог заковырять обиду на обоих. Всего-то и делов! Я в теме, я знаю, как и что нужно сделать. Насчет Юрьева не поручусь, а убийства Борискина и Анисимова я раскрою. А? Поможешь?

Дзюба ошарашенно молчал. Люша просила о невозможном. Во-первых, она служит не в «убойном», а в отделе по борьбе с наркотиками. Никто из убитых в Шолохове на водохранилище – ни Егор Анисимов, ни Виктор Юрьев – не были замечены ни в употреблении наркотиков, ни в распространении, ни даже в хранении, не говоря уж об изготовлении. То есть Люша никаким боком не может иметь касательства к раскрытию этих убийств. Конечно, бывают ситуации, и довольно часто, когда в небольших городах случается что-то из ряда вон выходящее, и тогда создаются группы, в которые включают всех подряд, и любые свободные руки идут в дело. В такую группу может попасть кто угодно, хоть из наркоотдела, хоть из отдела по борьбе с экономическими преступлениями. Но для этого нужно, чтобы был приказ, а для приказа необходимо предать огласке то, что на сегодняшний день приходится скрывать.

Но Люше-то это все зачем? Неужели эта яркая бабочка до такой степени честолобива, тщеславна? Хочет утереть нос своим коллегам? Или хочет, чтобы начальство ее заметило и перевело на работу в «убойный» отдел?

– Люша, Серебров – не твоя земля, и даже если ты там что-то раскроешь, начальнику шолоховского УВД придется объясняться с серебрязовскими, то есть с вышестоящими. У руководства всегда очень сложная система взаимоотношений, там и иерархия, и личное перемешивается, и не надо бы тебе в это влезать, поверь мне. И опера серебрязовские тебе не простят, вот это уж точно. Ваши местные, кстати, тоже.

Девушка грустно покачала головой:

– Ты не понял, командир. Мне слава не нужна, я бы все сделала и тихонечко отдала «убойщикам», пусть считается, что они сами раскрыли.

– Тогда я действительно не понял. Зачем тебе все это?

– Я замуж выхожу.

– Я в курсе.

– Буду рожать детей, из полиции уволюсь. Не хочу больше на этой работе... Не люблю я ее. Я в полиции только ради Димки торчала, чтобы быть к нему поближе.

Дзюба нахмурился.

– «Работу не люблю, но хочу уйти красиво, под гром аплодисментов». Так, что ли?

– Не так. Я Димку очень люблю, много лет уже. И я счастлива, что он наконец созрел жениться на мне. Я буду ему хорошей женой и хорошей матерью нашим детям. Но я не хочу, чтобы он считал, что женится на красивой дурочке, понимаешь? Хочу доказать ему, что у меня есть мозги и что я вообще что-то могу. Димка – гений, и у него интеллектуальная планка очень высокая, мне до него, конечно, не дотянуться никогда в жизни, но хочется выглядеть в его глазах...

Она отвернулась и добавила в сторону:

– Хотя как-то выглядеть. Не совсем тупой бабешкой, на которой можно жениться только потому, что она влюблена по уши и внешность подходящая.

Они разговаривали вполголоса, сидя у барной стойки, чтобы не мешать Анне, которая в противоположном углу просторной комнаты сидела за своим компьютером. Дзюба бросил взгляд на Анну и заметил, как напряжена ее спина. Видно, прислушивается, пытается уловить, о чем они беседуют, и злится, что ее не позвали, и боится, что от нее хотят что-то скрыть. «Хорош! – с неудовольствием подумал Роман. – Сам совсем недавно вкручивал Аркадию Михайловичу, что от Ани ничего нельзя утаивать, потому что она это слишком обостренно воспринимает, начинает нервничать, и от этого эффективность ее помощи резко падает, а сам что вытворяю? Вот уж если кто и козел, то именно я, а вовсе не несчастный влюбленный Никита».

– Мышонок, оторвись от работы! – громко крикнул он. – Давай кофейку выпьем и кое-что обсудим.

По той готовности, с которой Анна оставила свое занятие, и по ее радостному лицу Роман уверился в том, что его соображения были правильными.

Он быстро ввел Анну в курс дела. При помощи Димы и Люши уже почти точно установлено, что Песков совершил не пять убийств, а всего четыре. И есть возможность раскрыть три убийства, совершенные (пока еще предположительно) другим человеком. Для того чтобы Дзюба мог успешно выполнить свое задание, эту неопределенность, это слово «почти» нужно устранить. Люша готова сделать все необходимое, но для этого требуются две вещи. Первая: разрешение начальства. Вторая: помощь Романа и Анны. Люша, безусловно, справилась бы и сама, фронт работ ей понятен, но работа в одиночку займет времени больше, чем Дзюба может себе позволить ждать. Его торопят московские начальники.

– А как я могу помочь? – спросила Анна, глядя на него широко распахнутыми глазами. – То есть я имею в виду, что, конечно, я помогу, сделаю все, что надо, только я ведь ничего вашего не умею...

– Ничего особенного и не нужно делать, – успокоил ее Роман. – Просто составить Люше компанию, ходить всюду с ней вместе. И я к вам присоединюсь.

– Да зачем мне компания? – возмутилась Люша. – Я город отлично знаю, не потеряюсь.

Дзюба укоризненно покачал головой. Как у нее все просто! Может, и в самом деле оперативная работа – это не для нее? Все-таки добывать и анализировать информацию – одно, а уметь учитывать множество привходящих обстоятельств, в том числе и конфликты интересов других людей и служб, – совсем другое.

– Вы же с Димой «ноги» срисовали, значит, за мной присматривают, а теперь, получается, и вы под прицел попали, – терпеливо объяснил он. – И вот пойдут разговоры, что после нашего приезда в Шолохов девица из «дурдома» появилась в Сереброве и что-то вынюхивает. Оно нам надо?

– Ну да, – тут же подхватила Анна, – а так получится, что сначала мы у вас в Шолохове погостили, а потом тебя в гости позвали. Будем все втроем гулять по городу и делать вид, что нам ужасно весело. Так, Гудвин?

– Совершенно точно! Теперь осталось только уговорить Рокфеллера, – мрачно пошутил Дзюба.

Аркадий Михайлович суть проблемы уловил сразу, но гарантировать успешного решения не мог.

– Попробую, – ответил он, выслушав резоны капитана Дзюбы. – Но ничего не обещаю. Перезвоню через полчаса. А ты там не расслаживайся, собирай вещи и возвращайся сюда.

– А вдруг у вас получится договориться? Тогда мы бы старшего лейтенанта Горлик с собой привезли, чтобы ей на электричке не ехать.

– Вот через полчаса и узнаешь, привозить ее или нет, – сердито отозвался Аркадий Михайлович.

– Так если дадут добро, то ей нужно еще кое-что в Шолохове добрать по Анисимову.

– Сколько? – прозвучал короткой деловой вопрос.

Роман обернулся к Люше, которая настороженно прислушивалась к его переговорам.

– Сколько времени тебе нужно, чтобы найти друзей Анисимова и узнать про его подработки? – спросил он почему-то шепотом.

– До вечера, – быстро ответила она.

– До вечера, – добросовестно повторил Роман в телефонную трубку. – К ночи приедем.

– Ладно, жди звонка.

Дзюба отложил телефон и жадно выпил стакан сока. Надо же, оказывается, он волновался так, что во рту пересохло!

– Ну, что тебе сказали? – в нетерпении спросила Люша. – Он сможет договориться?

– Не знаю. И Аркадий Михайлович не знает. Но обещал попробовать.

– Угу, – промычала Люша, уселась на диван, достала телефон и блокнот и принялась куда-то звонить.

Судя по произносимым ею словам, она разыскивала давних друзей Егора Анисимова, данные которых выписала из материалов дела, и договаривалась с ними о встрече. Кое-кого в Шолохове не оказалось, и Люша пыталась дозвониться до них и задать свои вопросы по телефону.

Аркадий Михайлович перезвонил не через полчаса, как обещал, а почти через час.

– Принципиальное согласие всех сторон есть, – сказал он, – но есть и ряд условий. Вместе со старлеем Горлик будет работать опер из Сереброва, тот самый, который работал по убийству Лычкиной.

– Лычкиной? – удивился Роман. – Так Лычкина же наша... Ну, в смысле...

– Я понял, что «в смысле», – оборвал его Аркадий Михайлович. – Опер, который работал в прошлом году по Борискину, не в фаворе у руководства. А тому, который занимался Лычкиной, нужно очки набирать, там вакансия начальника отдела открывается. Этот опер – протеже руководства, его хотят двигать. И они согласны пойти нам навстречу только на этих условиях.

– Ясно.

– Второе условие: твоя девочка Горлик зашивает свой рот суровыми нитками. Если хоть одно слово вылетит, ее немедленно уволят.

– Она и сама уволится, – усмехнулся Роман. – Она замуж выходит через три недели.

Услышав, что ей разрешили работать, Люша просияла, озарила Дзюбу и Анну своей невероятной улыбкой, остаться обедать отказалась, натянула куртку, вскинула на плечо рюкзачок и умчалась. Ее даже, кажется, ничуть не огорчило то обстоятельство, что в Сереброве ей придется делать свою работу в паре с каким-то незнакомым оперативником.

Уже открыв дверь машины, она обернулась к стоящему на крыльце Роману.

– Я постараюсь побыстрее! – крикнула она. – Город маленький, у нас тут все близко.

Никитич открыл ворота, выпуская темно-зеленый «Фольксваген».

– Насчет обеда какие будут указания? – спросил он, подходя к Дзюбе. – В котором часу подавать и на сколько персон?

«Тьфу ты! – мысленно выругался капитан. – Достало уже! И как люди могут годами изо дня в день жить в таком регламенте? Я бы через неделю удавился». Но вслух произнес, разумеется, совсем другое. Обедать они будут вдвоем с Анной примерно через час. Ужинать же планируют вчетвером, но время он уточнит попозже.

Фалалеев

Аэропорт в Сереброве был ужасно неудобным. Город готовился принимать игры чемпионата мира по футболу, в связи с чем не только возводили новый огромный спорткомплекс и многоэтажные гостиницы, но и реконструировали здание аэровокзала. Из-за этого приходилось петлять по длинным переходам, путаясь в невнятных указателях, часть которых оставалась с еще доремонтных времен, и информация на них противоречила размещенной на других указателях, временных, повешенных на период перестройки. Фалалеев прошел проверку на входе, зарегистрировался на московский рейс, отстояв длинную очередь, с трудом нашел более или менее приемлемую кафешку и устроился поудобнее со стаканом сока и каким-то салатиком. Очень хотелось выпить, но это уже дома...

Что ж, задание своего руководителя он выполнил: удостоверился, что отправленный из Москвы оперативник действительно проводит время со своей девицей, не вылезает из койки, а в свободное от основного занятия время хлещет пиво с друзьями. Жадный мальчик Никита доложил все в деталях, в том числе и про вышедшего из спальни полуголого Дзюбу, и про то, как капитан прозрачно намекнул ему на необходимость не задерживаться и оставить любовников наедине. И про пустые пивные банки доложил, и про следы ночного гульбища... Хорошо поработал мальчонка. Впрочем, это скорее комплимент тому, кто его так дельно проинструктировал, то есть самому Фалалееву. Имелись все основания похвалить себя и даже порадоваться жизни. Но порадоваться не получалось: утром, еще до того, как он забрал ключи у Никоненко и убедился, что тот благополучно отбыл в Шолохов, жена по телефону сообщила, что дочка не ночевала дома. Фалалеев, как мог, успокаивал супругу, говорил, что девочка, наверное, заночевала у подружки, да хоть бы и у парня, но он уверен, что ничего плохого не случилось. А у самого сердце оборвалось и потом весь день ныло все сильнее и сильнее, тяжело толкаясь в грудную клетку каждый раз, когда жена звонила и все более тревожным голосом говорила, что дочка так и не появилась, а телефон ее выключен. Фалалеев и сам набирал номер дочери каждые 5-10 минут, но ничего, кроме «аппарат абонента выключен...», не услышал. Вот ведь паршивка! Ну ничего, он сегодня вечером вернется в Москву и покажет ей, где раки зимуют. Как именно он будет «показывать», Фалалеев не знал, потому что весь предыдущий опыт воспитания единственного чада неумолимо свидетельствовал о полной бесплодности каких бы то ни было попыток.

По громкой связи объявили посадку на рейс до Москвы, Фалалеев допил сок, вытер губы и пальцы салфеткой и направился к воротам.

И снова зазвонил телефон. Почему-то Фалалеев был уверен, что это жена и что сейчас она скажет ему: «Вернулась!»

Но на дисплее светились слова «Неизвестен».

— Твоя девчонка у нас, — проинформировал его незнакомый грубоватый мужской голос. — Если хочешь получить ее назад живой и здоровой, сделай так, чтобы в течение сорока восьми часов Семенюка выпустили из СИЗО, а Грабовский был арестован. И дело чтобы возбудили такое крепкое, которое ни в одном суде не развалится.

Фалалеев покачнулся и прислонился спиной к стене, какое-то время бессмысленно глядя на зажатый во вспотевшей руке телефон, из которого не доносилось больше ни звука.

Орлов

К Валентине Семеновне Фокиной, сестре покойного Вадима Семеновича Пескова и родной тетке Игоря, Орлов пришел все с той же легендой, с какой пожилую женщину навещал оперативник. Дескать, я адвокат, помогаю Игорю писать письма в инстанции, вот сейчас Игорь срочно нужен, а его нигде нет, я уж и помощника своего к вам присылал, рыженький такой паренек, помните?

– Ну, когда это было, – махнула рукой Валентина Семеновна.

Реплика эта проскочила мимо сознания Орлова. Он пришел сюда не выяснять, где Игорь, ибо и без того понятно, что здесь ему этого не расскажут, а узнать о том, каким он был в детстве и каким стал теперь.

– Валентина Семеновна, а давайте чайку выпьем, – располагаясь улыбнулся Орлов и протянул пожилой даме увесистый магазинный пакет с тортом и конфетами. – Видите ли, я уже немолод, а ездить по городу приходится много, устаю сильно. Да и редко встретишь человека своего возраста, с которым можно поговорить.

Он грубо льстил и одновременно прибеднялся: Фокина была лет на десять старше его самого, это если по паспорту, а на вид – так и на все двадцать. Дзюба, делясь своими впечатлениями от визита в эту семью, говорил, что Валентина Семеновна целыми днями сидит с правнуками. Значит, скорее всего, скучает по общению с ровесниками.

Женщина явно обрадовалась такому предложению, но одновременно и смутилась.

– Тесно у нас, не хоромы, – сказала она. – Такого гостя, как вы, и усадить-то некуда...

Но пакет взяла, из чего стало понятно, что чаю Орлову все-таки нальют.

– А у кого хоромы? – он картинно развел руками. – У всех тесно, кто не на Рублевке живет. Я сам в коммуналке вырос.

Очевидно, после слов о коммуналке он в глазах Валентины Семеновны словно бы спустился с небес на землю, потому что она с удовлетворением кивнула и провела его в комнату, маленькую и заставленную мебелью. Борис Александрович быстро окинул взглядом обстановку: два дивана, платяной шкаф, маленький низкий столик. Больше сюда ничего не влезало.

– Мой помощник говорил, что у вас двое очаровательных правнуков. Где же они? – с любопытством спросил он.

– Спят, – с нежной улыбкой ответила Фокина. – Пообедали и спят, ангелочки мои.

– Жаль, – притворно огорчился Орлов. – А я так надеялся их увидеть! Может, позвольте взглянуть? Я тихонечко.

Фокина улыбнулась еще нежнее и поманила его пальцем. В соседней комнате, чуть более просторной, в двух детских кроватках спали мальчики. Несмотря на то что площадь была в целом больше, здесь было так же тесно: диван-раскладушка, два спальных места для детей, пара разномастных шкафов, посередине – стол и четыре стула. Орлов сделал вид, что любуется спящими малышами. На самом деле он прикидывал, как размещаются в такой маленькой квартире все члены этой большой семьи. Валентина Семеновна, ее дочь Лидия, внучка с мужем и двумя детьми, внук. Похоже, внучка с мужем и сыновьями занимают вот эту комнату, а там, куда Фокина пригласила его пить чай, располагаются она сама и ее дочь. Квартира трехкомнатная, это Орлов помнил по рассказам Игоря, значит, есть еще одна комната, и в ней, наверное, обитает внук. Должно быть, совсем каморка... Несправедливо, конечно, бабка с матерью ютятся друг у друга на головах, а парень один живет. Правильнее было бы именно бабушку устроить получше, в отдельной комнате, но куда ж деваться, если разнополые, все-таки молодая мать и взрослый сын – тоже нехорошо.

– Я бы вас, конечно, за стол усадила, – с виноватым видом говорила Валентина Семеновна, когда они, ступая на цыпочках, вернулись туда, где стояли два дивана и маленький сто-

лик. – Но детки сейчас спят. В другое бы время пришли – мы бы с вами как нормальные люди за столом чайку бы выпили. Не в кухне же мне вас угощать, там и вовсе повернуться негде.

– Мы прекрасно посидим с вами здесь и поболтаем, – успокоил ее Борис Александрович. – А тесноты не стесняйтесь, так живут все, кто честным трудом зарабатывает.

– Это вы правильно сказали, – живо откликнулась Фокина. – Вот у нас в семье все работают, рук не покладая, и Лидка, дочка моя, и внучка, она в магазине электроники торгует, менеджер, и муж ее курьером работает, тоже без ног по вечерам домой является, еле дышит, и Лешка, внук, сам себе на жизнь зарабатывает, и с голоду не умираем вроде, и обуты-одеты все, а все равно живем как в крысиной норе, друг у друга на головах.

Она вышла из комнаты и вскоре вернулась с чайником, чашками и всем прочим, что необходимо для чаепития с тортом и конфетами.

– Валентина Семеновна, расскажите мне об Игоре, – попросил Орлов. – Я ведь его только взрослым узнал, и мне интересно, каким он был в детстве.

Разговор потек плавно, то разбегаясь ручейками в сторону других родственников и их жизненных обстоятельств, то снова сосредоточиваясь вокруг родного племянника Валентины Семеновны Фокиной.

Когда Вадим Песков женился на Екатерине, все были уверены, что лучшей пары, более красивой и подходящей друг другу, просто не бывает. Оба были влюблены и очень счастливы. Но когда через два года родился Игорек, все изменилось: Екатерина не желала считаться с тем, что стала матерью, и, едва закончив кормить грудью, сбросила все заботы о сынишке на ясли и на мужа. Вадим по ночам вставал к малышу, часами носил его на руках, укачивая, бегал в детскую кухню и в магазин за смесями, стирал и гладил пеленки. Потом водил в детский садик. Потом отшел в первый класс. Все выходные и праздники проводил с Игорем, ходил с ним в зоопарк, на аттракционы, в кино на мультфильмы и детские картины, позже подключились рыбалки и походы в лес. Катя была очень привлекательной женщиной, и дело даже не столько в красоте черт лица и фигуры, сколько в необыкновенной притягательности для мужчин. Вокруг нее полчищами вились ухажеры, ей это нравилось, знаки внимания, в том числе и вполне материальные, она принимала с видимым удовольствием и с таким же удовольствием принимала приглашения в рестораны. Работала она косметологом в парикмахерской, но на деле все было не так просто, как звучало. В те времена во многих парикмахерских были «косметички», которые могли покрасить клиентке брови и ресницы и сделать самую примитивную маску. Но вот в парикмахерских классом повыше, именовавшихся салонами красоты, работали уже не «косметички», а косметологи, и клиентов они обслуживали в отдельном кабинете, а не в том же самом кресле, где их только что стригли или укладывали. В этих салонах работали лучшие мастера, а косметологи пользовались дорогими импортными средствами, и услуги их были намного более разнообразными, особенно если удавалось приобрести хорошее оборудование. В салонах обслуживались артисты, работники сферы торговли, жены дипломатов и больших начальников. Официальные зарплаты там были почти такие же, как в обычных парикмахерских, но вот чаевые – существенно более высокими. А кроме чаевых, постоянные клиенты могли достать дефицит – билеты в театр, продукты, модную одежду, а могли и оказать содействие в решении каких-то вопросов. Например, помочь путевку достать, в кооператив вступить, встать в очередь на автомобиль или на хороший цветной телевизор. Одним словом, полезные люди.

Понятно, что Вадиму не могло нравиться, когда жена после работы не бежала домой, а отправлялась в ресторан или еще куда-нибудь. Но Катя каждый раз говорила:

– Ты должен понимать, что это необходимо. Ты же ничего не можешь достать, ничего не можешь устроить, а доставать и устраивать надо. Вот я комбинезончик Игорьку достала, тебе рубашки итальянские, себе сапоги, а все почему? Потому что бываю на людях, знакомлюсь, завожу контакты. А колбаса сырокопченая, которую ты трескаешь за обе щеки? А фрукты для

Игорька? А лекарство для твоей, между прочим, сестры? Да мы просто пропадем, если я буду дома сидеть!

Вадим соглашался. Он был хорошим отцом, и он был любящим мужем. И еще он очень любил и ценил комфорт, вкусную еду и модную одежду. В общем и целом, его все устраивало, а очевидных поводов для ревности Екатерина не давала.

Какое-то время.

А потом хрупкое равновесие в семье Песковых нарушилось. Видимо, Катя дала повод, но ничего точно Валентина Семеновна не знала. Сперва Вадим начал попивать, потом пить уже по-настоящему, потом Катя начала жаловаться, что он устраивает ей скандалы и даже поднимает на нее руку.

– Ты приезжай, приезжай, – рыдала Екатерина в телефонную трубку, – посмотри, как твой братец валяется посреди квартиры, упившись в хлам! Я у соседей сижу, Игорька взяла и убежала. Вадик так орал на меня, ножом размахивал, я думала – убьет!

Валентина Семеновна, конечно, никуда не ехала, потому что после работы нужно было бежать домой помогать с крохотной внучкой, которую дочь Лида родила в семнадцать лет неизвестно от кого. То есть сама-то дочка, конечно, знала, кто отец ее ребенка, и даже имя его матери называла, да только мать этого проходимца в глаза не видела ни до того, ни тем более после. Лидку саму еще нянчить впору, а тут ребенок...

Летним воскресным днем 1988 года Валентине Семеновне позвонили из милиции и попросили приехать: произошло несчастье, Вадим арестован по обвинению в убийстве своей жены, которую он в состоянии алкогольного опьянения лишил жизни, после чего поджег дачный домик, где, собственно, преступление и было совершено. Мальчик Игорь сейчас находится в отделе милиции под присмотром инспектора по делам несовершеннолетних, и поскольку Валентина Фокина является ближайшей родственницей ребенка, то пусть приедет и заберет его, а заодно и даст свидетельские показания.

Вот так Игорь Песков и оказался на ближайшие шесть лет, вплоть до ухода в армию, в квартире своей тетки.

– Как он уживался с вами? Мирно? – поинтересовался Борис Александрович, прихлебывая остывший чай.

Фокина покачала головой:

– Тяжело было. Я уж к нему и так и эдак, все-таки горе у ребенка страшное, все старалась ему кусок повкуснее подсунуть, устроить получше. Жалко его было очень. А он...

Она махнула рукой, и Орлову показалось, что в глазах ее блеснули слезы.

– Неразговорчивый он был, как чужой все равно. И Лидка, дочка моя, его сильно не любила. Обижалась, что он место у нас занимает, а помощи от него никакой, одна обуза. Лидка у меня вообще своенравная и капризная, все ей не так было, места для двоюродного брата пожалела, а вчетвером в трех комнатах разве тесно? Ей все барства какого-то хотелось, как в заграничном кино: чтобы в одной комнате была ее собственная спальня, в другой – детская, а в третьей гостей принимать. Я и то ей мешала, а уж Игорек...

Валентина Семеновна безнадежно махнула рукой.

– Я, по крайней мере, с ребенком помогала, так меня она готова была терпеть, а Игорька изводила при всяком случае. А уж когда Лешка родился, она вообще как с цепи сорвалась, по любому поводу к Игорьку цеплялась. Она тогда все надеялась, что ее хахаль, Лешкин отец, на ней женится, и ей комната была бы очень не лишней, а ее мальчик занимает.

– Не женился? – сочувственно спросил Борис Александрович.

– Да где там! У моей Лидки мужики не задерживались никогда, характер у нее трудный, нрав горячий. Но она все равно во всех своих проблемах тогда Игоря винила. Мужик бросил – Игорь виноват, молоко прокисло – Игорь виноват, дату на упаковке не посмотрел, когда покусал. Даже каблук сломался – и то Игорь виноват.

Ну что ж, отметил про себя Орлов, неприязнь Лидии Фокиной к кузену никуда не делась, если судить по тому, что рассказал оперативник Дзюба. Значит, этот момент можно считать установленным и проверенным.

– Игорь вас любил, наверное, – задумчиво произнес он. – Все-таки вы на целых шесть лет заменили ему семью, поддержали в трудный момент.

– Любил? – Поревшие брови Фокиной приподнялись над глазами в окружении морщин. – Не знаю. Холодный он был какой-то, никогда не подойдет лишний раз, не обнимет, не поцелует, слова ласкового не скажет. Но вежливый, вот тут врать не стану, вежливый мальчик. Всегда и поздоровается, и «спасибо» скажет, и приятного аппетита пожелает, если вместе с кем-то из нас за стол садился. Учился хорошо, учителя не жаловались. Да я и не ждала от него никакой любви, я же понимала, что он Вадика любил, отца своего. Уж так любил!

Орлов мучился, чувствуя, что какая-то мысль мешает ему. Даже не мысль, а впечатление, картинка. Вспомнил! В комнате, где спали мальчики, вокруг стола стояли четыре стула. На пятом, в простенке между двумя шкафами, кучей сложена груда невыглаженных вещей, в основном детских. Ничего особенного, но глаз почему-то резало.

– Наверное, хорошо, когда семья такая большая и все за одним столом собираются, – мечтательно сказал он.

– Хорошо, – согласилась Фокина, – только это редко случается. Лешка с нами не сидит. Он вообще дома мало бывает, ночует только, да и то не всегда. Вот я его уже дня три не видела.

Тогда понятно, почему пятый стул не на месте. Фокина, ее дочь, внучка с мужем – четверо взрослых. Малыши за стол не садятся. И внук Леша тоже. Отрезанный ломоть?

– И не волнуетесь за него?

– А чего за него волноваться? Здоровый оболтус, сам о себе пусть волнуется, – неожиданно сердито ответила Валентина Семеновна, и Орлову показалось, что в этот момент у нее резко испортилось настроение.

Да, Дзюба и об этом предупреждал, он тоже наблюдал такой необъяснимый перепад. Ну что ж, пожилой человек, всякое бывает...

– За Лешку если кому и волноваться, так только его матери, – по-прежнему сердито продолжала Фокина. – А мои волнения никого не интересуют, со мной можно не считаться, я уже для них хлам и мусор, только место в квартире занимаю. Вот приладили с правнуками сидеть, чтоб я не зря их хлеб ела и чтобы пользу хоть какую-то приносила, на детском садике экономят, говорят, очень дорого, если садик хороший, и поборы все время то на ремонт, то на утренник, то еще на что-то. А предупредить, что ночевать не придешь, – это извините, это ниже их достоинства. Игорек хоть и неласковый, а все-таки звонил, если уезжал, предупреждал.

– Значит, и в последний раз Игорь вам сказал, куда уезжает?

– Сказал, конечно. К другу он поехал, в лесничество. Видно, после развода с Жанной ему совсем тяжело стало, решил обстановку сменить. А я и рада, что он нынешнее лето не в Москве провел, а в лесу, на природе, на свежем воздухе. В Москве невозможно было жить, вы же и сами, наверное, помните?

Что такого особенного было в минувшем московском лете? Ну да, бывали жаркие дни, душные, бывали и дождливые, и прохладные, – словом, все как обычно. Орлов слегка пожал плечами, но на всякий случай кивнул в знак согласия.

– Жара невыносимая, смог стоит – аж черно в воздухе, торфяники горят по всей области, никак их потушить не могли, гарью воняет. У нас дачи нет, вот мы и промучились все лето в городе, а за Игорька я порадовалась. Пусть, думаю, мальчик лесным воздухом подышит, должно же ему после всех бед облегчение быть.

Да уж, мальчик... Сорок лет. Впрочем, для семидесятилетней тетушки... Стоп!

Первая реплика Фокиной.

Пятый стул между шкафами.

Внезапно испортившееся настроение.

Похоже, вот он, тот косяк, который интуитивно почуял молодой оперативник. Жаль только, что вовремя не спохватился.

* * *

Задавать свои вопросы Лидии Фокиной Борис Александрович не стал: каким бы скверным ни был характер дочери, вряд ли она станет распространяться о здоровье матери в разговоре с незнакомым человеком. Орлов решил сразу ехать в больницу, где после операции восстанавливалась Жанна, бывшая жена Пескова. Тем более время сейчас самое подходящее, в больницах лучше всего навещать пациентов между обедом и ужином, когда закончены все обходы и сделаны процедуры. На платные дорогие клиники это, конечно, не распространяется, там можно приходить в любое время с 8 утра и до позднего вечера, а вот в обычных медучреждениях правила остались прежними еще с советских времен.

Жанна лежала в трехместной палате. У двух ее соседок посетителей не было, женщины откровенно скучали и с жгучим интересом прислушивались к разговору. Орлов видел, что Жанне такое внимание неприятно, но она стесняется своей слабости и того, что пока еще плохо ходит, поэтому не предлагает выйти в коридор.

– Я почти не знала Валентину Семеновну. За то время, что мы с Игорем были женаты, видела ее от силы два-три раза. Игорь ей периодически звонил, а так... Он не любил ходить в гости. Он вообще не любил ничего, кроме своей сверхидеи. Вы ведь сказали, что ищите Игоря, а сами про его тетку спрашиваете, – заметила Жанна. – Что у вас за танцы с бубнами? Сначала ваш помощник звонит, разыскивает Игоря, теперь вы. Думаете, я скажу что-то такое, что утаила от вашего посланника?

– Мы действительно ищем Игоря, и я побеседовал с Валентиной Семеновной, потому, собственно, и пришел к вам. У меня возникли определенного рода сомнения. Мой помощник еще молод и неопытен, и кое-каких обстоятельств он не заметил. А я уже старый, – Орлов лукаво улыбнулся, зная, что выглядит он превосходно для своего возраста, – и замечая то, чего могут не заметить молодые.

Жанна посмотрела на него внимательно, чуть прищулив глаза.

– Вы про... это? – осторожно спросила она.

– Да, именно про это. Валентина Семеновна не в ладах с ощущением времени? Путает сроки, не чувствует разницу между месяцем и годом?

– Игорь говорил об этом, – кивнула женщина. – Это началось незадолго до того, как мы с ним разошлись. Наверное, болезнь, что-то с мозгом. А может, просто возрастное, хотя какой там возраст... Семьдесят лет – это еще не старость. Валентина Семеновна и сама чует неладное, но в чем дело – понять не может. Игорь как-то в телефонном разговоре начал с ней спорить, доказывать, что звонил ей на прошлой неделе, а она в ответ упрекала его, что он о ней совсем забыл и звонил не на прошлой неделе, а два года назад. В другой раз они снова не сошлись во мнениях по поводу сроков, о чем конкретно шла речь – не припомню уже, но Валентина уверяла, что это было вчера, а Игорь удивлялся и объяснял ей, что это было не то три, не то четыре года назад.

– Игорь очень расстроился, когда понял, что тетка больна?

Бледное, с темными кругами под глазами лицо Жанны выразило удивление и даже недоумение.

– Игорь? Расстроился? Да бог с вами!

– А что ж так? – полюбопытствовал Орлов.

– Игоря могло расстроить только очередное письмо с отказом. Больше ничего.

– Но ведь речь о его родной тетке, о самой близкой родственнице!

– И что? Для Игоря имеет значение только то, что для него полезно. Поскольку от Валентины Семеновны для него не было никакой пользы, ему было безразлично, больна она или здорова. И ко мне он относился точно так же. Как только понял, что я бесполезна, он предложил расстаться.

– Зачем же он женился на вас, если вы, как вы говорите, были для него бесполезны?

Жанна слабо усмехнулась и тут же сморщилась от боли.

– Видимо, сначала польза все-таки была. Я внимательно его слушала, сочувствовала, поддерживала, интересовалась... А когда поняла, что, кроме этой его фанатичной борьбы за справедливость, в нашей жизни не будет больше ничего, начала отстраняться. Надеюсь, что пройдет время – и Игорь остынет и начнет проявлять интерес ко всему тому, что составляет нормальную семейную жизнь, по крайней мере, по моим представлениям. Захочет детей, например. Но ничего не менялось. И я с облегчением ушла, как только он завел разговор о разводе.

– Понятно. О том, что с сестрой Лидией отношения у Игоря не сложились, мне известно. Валентина Семеновна поделилась. А с детьми Лидии он общался?

Жанна покачала головой.

– Насколько мне известно – нет. Они ведь для него бесполезны, – добавила она с кривой усмешкой. – Но мы уже довольно давно не живем вместе, так что не поручусь. Думаете, он мог с ними поделиться своими планами и они знают, куда он уехал и где его искать?

– Все может быть, – улыбнулся Орлов.

«А ведь Жанна даже не спросила, почему мне так срочно понадобился ее бывший муж, – отметил про себя Борис Александрович, спускаясь по лестнице в больничный холл. – Видно, он так достал ее своей деятельностью, что у женщины теперь стоит прочный блок на любую информацию, касающуюся борьбы Пескова за восстановление справедливости. Или не за восстановление, а просто за справедливость в том виде, как он ее понимает?»

Если опираться на впечатления Дзюбы, то пытаться разговаривать с Лидией Фокиной нет никакого смысла. Первое же упоминание о двоюродном брате – виновнике всех ее несчастий и жизненных неудач – вызовет шквал эмоций, который не приведет ни к чему, кроме пустой траты времени. А вот с дочкой ее, внучкой Валентины Семеновны, можно попытаться поговорить. Орлов взглянул на часы: если повезет, он успеет до закрытия магазина, адрес которого у него лежит в папочке.

* * *

Полненькую симпатичную молодую женщину с бейджем «Виктория» на форменной голубой блузке Орлов отыскал довольно быстро: в огромном торговом зале, заставленном электронной техникой, не было ни одного покупателя и менеджеры слонялись без дела с выражением безнадежной скуки. Нет покупателей – нет продаж, нет продаж – нет начислений сверх скромной зарплаты, зато ярко светит перспектива сокращения кадров и увольнений. Появление высокого, представительного, хорошо одетого потенциального покупателя вызвало оживление, к Орлову сразу метнулся быстроногий паренек с предложением помочь. Борис Александрович нейтрально улыбнулся, ничего не ответил и направился туда, где щебетали, опершись о стойку, две девушки. Одна из них, должно быть, и есть Вика, внучка Фокиной.

Так и оказалось.

Поняв, что перспективный на первый взгляд клиент не собирается ничего покупать, а интересуется исключительно ее родственниками, Вика заметно поскучилась. Орлов быстро сориентировался и окинул глазами имеющийся товар: скоро приедет жена с внуками, почему бы не обновить кухонную технику, чтобы Танюшке было удобнее готовить для детей? Правда,

он пока что видит перед собой в основном телевизоры и компьютеры, но в таком большом магазине наверняка есть и то, что можно купить с пользой для дома.

– И еще мне нужно приобрести кое-что для кухни, – сказал он. – Вы мне поможете?

Вика сразу повеселела и повела его в другой конец зала.

– Мне Игорь не сообщал, куда уезжает, он меня вообще практически не замечал, – говорила она, шагая рядом с Орловым. – Я для него всегда была «малая». Бабуля упоминала, что он перед отъездом ей сказал, что будто бы к другу едет, в какое-то лесничество. Может, и правда в лесничество, он туда уже ездил несколько лет назад.

«Да нет, – ответил мысленно Борис Александрович, – не может и не правда. Твоя бабуля, милая девочка, все путает. Именно несколько лет назад Игорь и ездил к своему приятелю-леснику, а в этот раз он уехал совсем в другое место. И Валентине Семеновне, скорее всего, вообще ничего не сказал. Ей кажется, что разговор о лесничестве был полгода назад, а на самом деле он состоялся очень давно. Эх, если бы Дзюба сразу это сообразил...»

Они остановились перед полками, на которых красовались кофеварки и кофемашины. А почему бы и нет? Новая кофемашина станет отличным подарком для жены. Орлов задал несколько вопросов, советуясь с Викой, сделал свой выбор и попросил показать миксеры и блендеры. Менеджер оживилась еще больше, начала предлагать посмотреть пароварки, мультиварки и что-то еще очень нужное для хозяйства. Борис Александрович доверительно сообщил, что к нему скоро привезут внуков из США и нужно обеспечить жене возможность готовить детям то, что они любят.

– Маленькие детки очень любят вафли, – авторитетно заявила Вика, тряхнув завитыми локонами. – Могу порекомендовать вот эти вафельницы или даже мультипекарь, это очень удобно.

Ну, мультипекарь – это уж слишком, решил Орлов, а вот вафельницу взять вполне можно. Через полчаса услужливые менеджеры оформили покупки и помогли донести коробки и уложить их в машину Бориса Александровича. От Вики же удалось узнать, что ее младший брат Алексей Фокин уехал из Москвы в апреле, сказав, что больше не хочет жить в такой тесноте, что крики и возня маленьких племянников не дают сосредоточиться и мешают ему работать, что вообще ему все надоело и пусть все его семейство идет на фиг. Куда уехал? Леша сказал, что куда-то за Урал, ему вроде там работу предложили в какой-то фирме. Лидия не только не огорчилась, но даже обрадовалась и быстренько заняла комнату сына. Правда, свой диван перетаскивать на новое место не стала, опасаясь, что Леша в любой момент может вернуться. Нет, ни о каких особых отношениях брата с дядей Игорем Вика не знает... Но ей и не до того, она работает, а дома двое детей, муж, скандальная, громогласная, вечно всем недовольная мать и не вполне здоровая бабушка. Разве есть у нее время и силы обращать внимание на то, с кем общается ее брат и о чем разговаривает? Нет, Леша бабушке и матери не звонит, а ей, Вике, позвонил один раз, поздравил с днем рождения, сказал, что у него все нормально, работа есть, жилье есть.

За тот без малого час, который Орлов провел в магазине, обстановка на дорогах изменилась коренным образом. Город встал. Телефон показывал пробки 9 баллов. Пришлось срочно менять планы на вечер.

Он позвонил Константину Георгиевичу.

– Похоже, Песков взял с собой племянника, – сообщил он. – У меня появилось одно соображение, мне бы хотелось еще поговорить с соседями Игоря, но сегодня я уже никуда, наверное, не успею. Завтра с утра к ним наведаюсь. И мне нужна будет ваша помощь.

– Все, что скажете.

– Если Игорь сделал себе и племяннику новые паспорта, то как? К кому он обратился?

– Я понял, – отозвался в трубке голос Большакова. – Постараюсь. Соберу информацию, утром она будет у вас в почте. Борис Александрович, время поджидает, нам нужно что-то решать по Игорю. Когда вы будете готовы? Когда можно назначать встречу у Максимовой?

– Завтра, – твердо ответил Орлов. – Во второй половине дня я буду готов полностью. У меня уже есть почти всё, остались только штрихи, для которых мне и нужны соседи Песковых.

– Сделаю все возможное.

Домой Борис Александрович добрался часа через три, голодный и с тяжело ноющей от долгого пребывания в машине спиной. Покупки распаковывать не стал, сгрузил коробки в прихожей, на скорую руку приготовил яичницу с колбасой, запил чашкой кофе, попутно отметив про себя, что кофеварка пока еще отлично работает и, наверное, с покупкой кофемашины он погорячился, и Танюшка будет ругать его за неоправданные траты... Но тут же сообразил, что кофемашину можно представить в качестве заблаговременного подарка к Новому году или, наоборот, пропущенного подарка к годовщине свадьбы. Годовщина в мае, Татьяна в это время уже была у дочери.

Повеселев от еды и удачно принятого решения, Орлов раскрыл папку с записями отца по делу Вадима Пескова. Выписал имена и адреса всех, кто был допрошен следствием в качестве свидетелей. Потом просмотрел текст приговора, сличил, посчитал. Проверил по протоколу судебного заседания. И недобро усмехнулся.

Вот оно как, значит...

Но странно, что отец не обратил на это внимания. Такой опытный адвокат не мог не заметить странного совпадения. Или заметил, но промолчал, потому что решил не связываться? Или попытался что-то сделать и быстро получил по рукам? Вот это вернее всего.

И ничего не сказал ни Игорю, ни своему сыну. С другой стороны, о чем тут говорить? С точки зрения уголовного процесса – все идеально, никаких нарушений, так что есть совпадение или нет – а для того, чтобы поставить под сомнение результаты предварительного следствия и судебного разбирательства, оснований все равно не появилось бы. Отец был здоровым человеком, очень осмотрительным и осторожным, он прекрасно понимал, с чем мог столкнуться, и не хотел, чтобы пострадал двенадцатилетний мальчик, который в силу возраста и отсутствия опыта мог слабый лучик надежды принять за яркий свет и начать кричать об этом на всех улах. И позже, когда Игорь повзрослел, отслужил в армии, закончил институт и начал работать, отец снова принял решение ничего ему не говорить. Почему? Видел, что Игорь без тормозов? Понимал, что у парня с психикой что-то не так? Осознавал, что таким, как Игорь, нельзя давать в руки никакого оружия: ни материального, ни информационного?

Теперь не спросишь. Отец давно умер.

«И почему, – сердито спрашивал себя Борис Александрович, – почему мы начинаем догадываться о том, что нужно было поговорить, нужно было спросить, только тогда, когда поговорить больше не с кем и спросить не у кого? Почему мы до самой старости остаемся самоуверенными идиотами?»

Анна

После ужина выдвинулись из гостевого домика на двух машинах. Свой «Фольксваген» эксперт Дима дал невесте только на этот день, а сейчас попросил, чтобы она побыла с ним по дороге домой. Анна скорчила недовольную мину: можно было бы сэкономить время, посадив Люшу в их машину и сразу направившись к трассе, ведущей в Серебров. А теперь придется тащиться до Димкиного дома, пока будущие молодожены наслаждаются обществом друг друга перед долгой разлукой. Смех один! Люша же сама говорила, что все сделает быстро. Какая там уж такая разлука? Ну три дня, ну четыре. И разве проведенные вместе лишние 15 минут могут спасти «гиганта мысли и отца русской демократии»?

Когда Дима поставил машину возле своего дома, они с Люшей вышли не сразу, а потом еще долго обнимались у двери в подъезд. Первую половину дороги от Шолохова до Сереброва Люша сидела в машине молчаливая, сосредоточенная и даже, как показалось Анне, грустная. «Наверное, с Димой расставаться не привыкла, вот и скучает уже», – думала Анна, рассеянно поглядывая в окошко, за которым все равно ничего не видно было, кроме темноты и редких фонарей: освещение на трассе оставляло желать много лучшего.

Она пыталась думать о курсовой, которую нужно дописывать, все-таки 40–60 страниц, из которых не меньше 80 процентов должны содержать оригинальный авторский текст, это не кот начхал. Конечно, есть миллион способов схалтурить и обмануть «Антиплагиат», и кое-какими из них Анна Зеленцова позволяла себе иногда воспользоваться, но в основном старалась работать добросовестно, ибо точно знала: если ее уличат в мошенничестве – такого стыда она не переживет.

О Пушкине почему-то не думалось. Молчаливая Люша, устроившаяся на заднем сиденье, все время заставляла мысли Анны возвращаться к теме «жених и невеста», а оттуда плавно перетекать и к замужеству матери, и к собственным матримониальным перспективам.

– Люша, ты платье уже купила? – спросила она.

– Платье?

В голосе Люши звучало недоумение.

– Свадебное, – рассмеялась Анна.

– Купила, конечно. Давно уже.

– Красивое?

– Очень! Димке нравится.

– А тебе? Тебе самой нравится?

– Ну, мне тоже, само собой, раз Димка одобрил.

– Отмечать в ресторане будете?

– Ага. Все уже заказали.

– А твои родители как к Димке относятся?

– Ой, Ань, ну ты спросила! – Люша повеселела и даже рассмеялась. – Ну кто может к Димке плохо относиться? Он же гений! И вообще, он самый лучший.

– Ну, знаешь, бывает, что родители молодой девушки не одобряют, когда она выходит замуж за разведенного, да еще если от предыдущего брака дети. Не всем такое по нутру.

– Нет, это не мой случай. Вот Димкины родители – да, они от меня не в восторге, это точно. А мои его обожают.

– И чем же ты его родителям не угодила? – подал голос Роман. – Образованием не вышла? Или финансовым положением?

– Они Димкину первую жену любят. Наверное, считают, что я намного хуже. И уверены, что Димка из-за меня развелся, хотя это неправда. Я его потихонечку любила, пока он был женат, но никто об этом не знал, кроме моей сеструхи старшей. А встречаться мы начали только

после развода. Но никому же не докажешь... Считают меня подлой разлучницей, прямо так в глаза и говорят.

– А ты и не доказывай, – посоветовал Роман. – Наплюй. Они в Шолохове живут?

– В Омске. Раз в год приезжают сына навестить и внучку повидать.

– Тогда тем более наплюй.

– Нет, ну как это – наплевать? – рассердилась Анна. – Что ты такое говоришь, Гудвин? Разве не имеет значения, что о тебе думают люди, тем более близкие, члены семьи? Как можно наплевать на то, что ты для кого-то плохой?

– Люша для Димки хорошая, а для нее это самое главное, верно, Люша? Для всех хорошим все равно никогда не будешь, – заметил Роман.

– Если бы Люша была уверена, что она для Димы достаточно хороша, она бы не стремилась ему еще что-то доказывать, – упрямо возразила Анна, чувствуя, что начинает злиться. – А она же стремится, хочет показать, что она умная.

Разговор задевал ее за больное, и она понимала, что сама полезла углублять такую неприятную для себя тему, и знала, что будет впадать в ярость и бешенство, и точно так же знала, что все равно не смогла бы удержаться и промолчать, когда опасный момент можно было обойти, пропустить мимо ушей, оставить без ответной реплики. Сидящие внутри нее Гады хотели говорить о том, что значит «быть плохой», и никакие усилия Надсмотрщиков тут не помогали.

– Мышонок, посмотри на вещи непредвзято, – миролюбиво предложил Роман. – В моих глазах ты очень красивая и очень умная. В глазах своего квартиранта тоже. Но тебе ведь наплевать на то, что он о тебе думает, правда? Ты с ним не особенно любезна, а местами даже грубовата. И при этом для меня ты все равно остаешься очень красивой, очень умной и очень хорошей. Уверен, что и для Люши тоже.

– Тоже-тоже! – громко заявила с заднего сиденья невеста Люша. – Я вообще не представляю, как можно постоянно писать оригинальные тексты, для меня даже один абзац в неделю – уже кранты. Ань, ты для меня почти такой же гений, как Димка.

Анна непроизвольно улыбнулась, чувствуя, как Гады прячутся в свою нору.

– Ну, вообще-то да, это аргумент, – неохотно согласилась она.

Фалалеев

Он не помнил, как сел в самолет, его трясло, мысли путались, в голове мутилось. Только когда началось снижение перед посадкой, Фалалеев обрел способность хоть как-то соображать.

В Министерстве внутренних дел есть кланы, каждый из которых связан с определенной группой бизнесменов, и покрупнее, и помельче. Клань борются между собой за влияние и за благорасположение министра, ибо это позволяет и самим зарабатывать, и назначать на хлебные должности своих ставленников. Руслан Максимович Фалалеев, бывший сотрудник органов внутренних дел, работал личным помощником предпринимателя Чижова, владельца обширной сети дешевых продуктовых магазинов. Товарооборот в магазинах был невелик, ассортимент узкий, цены низкие, качество продуктов – ужасное. В общем, предприятие практически убыточное. Это если по документам, подаваемым в налоговую. А то, что через эту огромную сеть гнали изготовленную подпольно безакцизную водку – так это ж совсем другое дело. Доходы от продажи спиртного выходили огромными, и Чижов щедро делился ими со своими покровителями из полиции, сидящими в министерских креслах на высоких должностях. С одним из этих покровителей у Чижова сложились отношения более или менее приятельские, почти дружеские, и министерский чиновник предложил своему подопечному взять на работу в качестве личного помощника «нужного человечка», платить ему зарплату немалую, но заданиями особо не нагружать, ибо основная обязанность человечка должна состоять в том, что он будет выполнять всякие тонкие и деликатные поручения, которые совершенно необходимы для того, чтобы клан, поддерживающий Чижова, мог чувствовать себя уверенно на своем месте.

Чижов возражать побоялся. И Руслан Максимович Фалалеев обрел новое место работы.

Требования неизвестного, похитившего дочь, были вполне понятны. Именно в стане покровителей бизнесмена Чижова имелся высокого ранга чиновник, во власти которого было прекратить уголовное преследование одного человека и начать такое же преследование в отношении другого. Владельца страховой компании Семенюка держат под стражей уже несколько месяцев, делая вид, что расследуют совершенные им налоговые преступления. Какие-то люди, не имеющие крепких связей в МВД, хотят Семенюка вытащить, а некоего Грабовского, наоборот, упрятать в камеру. Кто такой этот Грабовский, Руслан Максимович не знал, фамилии такой не слыхал. Но схему приблизительно представлял: есть нарушения, финансовые или налоговые, за которые можно привлечь, допустим, Иванова, а можно и Петрова, с точки зрения закона – без разницы. Законы же специально так и написаны, чтобы можно было привлекать не того, кто действительно виновен, а того, кого нужно. Привлекают Иванова, маринуют его в камере, всех пугают страшными историями о том, какие ужасные преступления он совершил и как неотвратима и тяжела будет справедливая кара, наложенная правосудием. Потом Иванова отпускают и вместо него арестовывают Петрова, уже напуганного до обморока всеми предшествовавшими перипетиями, в том числе обысками в офисах, криками «Работает ОМОН!» и «Мордой в пол!», изъятием документации и компьютеров, арестами счетов и полным параличом бизнеса. Что делает перепуганный насмерть Петров? Правильно, долго не сопротивляется и быстренько подписывает, практически не глядя, любые бумажки на передачу собственности, которые ему подсовывают. Собственно, изначальной целью комбинаторов и был тот самый Петров, проявлявший глупое упрямство и никак не желавший расставаться со своей собственностью и трудом нажитым или внаглую украденным состоянием. В принципе, схем безболезненного отъема денег и собственности у граждан существует великое множество, и вовсе не обязательно прибегать к таким громоздким и затратным мероприятиям, но, однако же, когда в дело вмешивается политический аспект, то грозные слова «уголовное дело», «суд», «тюрьма» и «преступление» бывают очень даже не лишними. Начнет какой-нибудь борзый демократ

рваться к выборам, а ему в ответ: «Вашу предвыборную кампанию финансирует Петров, а ведь Петров – человек нехороший, замаранный, законы нарушает...» Ну, и так далее. А то и вовсе Петрову этому уже нечем будет своего протеже финансировать.

Чего хотят похитители? Чтобы Фалалеев пошел к своему непосредственному шефу Чижову, изложил ему дело, после чего Чижев отправится к своему покровителю, к тому самому, чьи поручения выполняет Руслан Максимович, а уж этот покровитель как-нибудь так договорится со своим коллегой, имеющим полномочия и возможности влиять как на возбуждение уголовных дел, так и на их прекращение. Действовать через голову Чижова и самому обратиться к покровителю Фалалеев не осмелится – не те у них отношения. Хотя... Может, рискнуть, попробовать? Но какой в этом смысл? Все поручения Руслан получает не от самого покровителя-генерала, а от его доверенного лица, этому же лицу он отчитывается о проделанной работе, с генералом у него личных отношений нет, и скорее всего, даже если Фалалееву удастся раздобыть номер приватного, то есть не служебного, телефона этого генерала, тот сперва не поймет, кто ему звонит и зачем, а потом либо сразу откажет во встрече, сославшись на занятость, либо назначит аудиенцию через месяц, как это принято у больших боссов. Нет, все-таки действовать нужно через Чижова, уж своему-то дружку, своей дойной корове генерал во встрече не откажет.

Сорок восемь часов, всего сорок восемь... И полтора из них тратится на перелет из Сереброва в Москву. А вдруг похитители сейчас звонят ему? Слышат «Аппарат абонента выключен...», приходят к выводу, что Фалалеев от них прячется, и... У них девочка, глупая неопытная семнадцатилетняя девочка, испуганная, ничего не понимающая... И жена дома с ума сходит, не понимая, куда ребенок подевался. Что же будет, когда он ей скажет, что дочь похитили? А со стариками что будет? Ладно, от стариков можно попробовать скрыть, слава богу, что они живут отдельно. Но от жены-то не скроешь, если промолчать – она начнет обзывать больницы и морги, тоже ничего хорошего.

Кто эти люди? Уголовники? Маловероятно. Мелкая уголовная шваль не станет подписываться на крупный бизнес, им не по зубам такое, да и не по интересу. Крупный криминалитет? У них у всех поголовно есть полицейские «крыши», через них бы и действовали, зачем им Фалалеев? А если «крыша» низковата? Не такого уровня, чтобы выйти на самый верх и добиться своего? Тогда похитителями могут оказаться и сами полицейские – представители этой низенькой «крышечки». Какие еще варианты? Политика? Возможно, но все равно процесс пошел бы через полицию и следственный комитет. У МВД со Следственным комитетом отношения сложные и не особо дружелюбные, еще и прокуратура непонятно какую позицию занимает, то ли есть она как самостоятельная правоохранительная единица, то ли нет ее вовсе, а так, название одно... Если вопрос политический и в нем заинтересованы на самом верху, то решили бы все сами, слишком мелок для них Фалалеев, на такой уровень они не опускаются.

Самолет совершил посадку минут на пять раньше, чем предусмотрено расписанием, и Руслан Максимович с трудом дождался, когда выпустят на трап пассажиров бизнес-класса и можно будет выходить. Жене он позвонил сразу же, как только появилась сеть, самолет еще по рулежке мчался, а он уже говорил торопливо, твердо и очень тихо:

– Не волнуйся и никому не звони, я потом все тебе объясню. И никому ничего не рассказывай, особенно дедам.

Обобщающим словом «деды» в их семье именовались родители обоих и бабушка Фалалеева.

– Ты что-то узнал? – спрашивала жена, давясь слезами.

Такое бывало и раньше, и не один раз. Дочка ударялась в загул, никого не предупреждала, на звонки не отвечала, просто исчезала на день-два, и жена всегда нервничала, плакала, не спала, не выпускала из рук телефон, пила лекарства, а у Фалалеева сердце разрывалось от жалости к ней.

– Я ничего не узнал, но уверен, что все в порядке, погуляет и вернется, как обычно. А дедов волновать не надо.

– Ты скоро приедешь?

– Мне нужно сейчас по делам. Я позвоню, – быстро проговорил Руслан Максимович и отключился.

Следующий звонок – Чижову, пока самолет, замедлив ход, двигался к стоянке. Занято. Перезвонил еще раз. Снова занято. Дозвониться удалось только из автобуса, на котором пассажиры везли к терминалу.

– Что за срочность? – недовольно отозвался Чижев, выслушав просьбу о встрече. – Я весь вечер буду на людях, на личные разговоры времени нет.

– Это очень важно, – умоляюще произнес Фалалеев. – Десять минут, я все объясню.

– Ну, говори сейчас, – милостиво разрешил шеф, – только быстро.

– По телефону нельзя.

– Что это за «личное» такое, о котором нельзя по телефону? – пробурчал в трубку Чижев. – Ладно, я буду в Сити, подъезжай, найдешь меня, где обычно.

Брать такси из аэропорта Фалалеев не решился: вечер, темно, погода отвратительная, из-за любой аварии могут возникнуть пробки, терять время нельзя, оно тает прямо на глазах. Поехал на электричке до Павелецкого вокзала, так намного быстрее и надежнее. В деловом комплексе, который для краткости называли просто «Сити», он оказался в десятом часу вечера. Здесь располагался и офис Чижова, и рестораны, в которых он предпочитал устраивать деловые обеды и ужины. «Где обычно» означало тот ресторан, в котором Чижев чаще всего угощал партнеров по переговорам.

Чижев заставил себя ждать почти полчаса после того, как Руслан Максимович отзвонился и сказал, что находится в холле перед входом в ресторан. За эти полчаса Фалалеев еще раз мысленно проговорил все то, что собирался сказать шефу, а заодно и обдумал дополнительные аргументы, которыми мог бы воспользоваться, если его слова не возымеют желанного действия. Чем он может давить? Только компроматом, которого собралось у Фалалеева немало. Но это шантаж. А шантаж – всегда плохо. И не потому, что некрасиво, это-то черт с ним, а потому, что порождает не желание помочь, а страх, ненависть и стремление нанести ответный удар, уничтожить. Если запустить механизм, то последствия всегда бывают катастрофическими. Можно добиться от Чижова помощи посредством шантажа и освободить девочку, можно. Но во что после этого превратится жизнь Фалалеева и всей его семьи? Какова цена одного и цена другого? Цена вопроса, одним словом.

Чижев вышел в холл со злым лицом и лоснящимися от жирной пищи губами. На лбу испарина, к влажной коже прилипла прядь густых волос.

«Видно, ужин не впрок, – подумал Фалалеев, – в переговорной шеф не смог добиться того, чего хотел, понадеялся на застолье, а партнеры упираются».

– Ну, что у тебя?

Руслан Максимович перевел дыхание, стараясь, чтобы голос не дрожал.

– У меня похитили дочь. Для ее освобождения нужно, чтобы вы связались с генералом и попросили его договориться на самом верху. Мне называли фамилии людей, о которых идет речь. Одного нужно освободить из-под стражи, против другого возбудить дело и арестовать. Ничего сложного. Но действовать нужно быстро, мне позвонили в начале пятого и дали всего сорок восемь часов на решение вопроса.

Чижев схватил его за плечо, отвел в сторонку, почти зажав в угол, приблизил к Фалалееву лицо с побелевшими от ярости глазами.

– Ты соображаешь, что несешь? – прошипел он. – Да как ты посмел с этим прийти ко мне?

– Но генерал же ваш друг, вы с ним... – растерялся Фалалеев. Такого напора и столь бурной реакции он не ожидал. Вероятность отказа, конечно, предполагал и готовился противостоять, но гнева и ярости не предвидел.

– С чем я, по-твоему, должен идти к генералу? С бутылкой коньяку? Что я могу ему предложить в обмен на услугу? Он должен будет идти наверх, – Чижов ткнул пальцем в потолок, – и просить. Понимаешь? Просить! И что-то дать взамен. Или останется должен. А виноватым в этом буду я. И вообще, о ком речь идет?

– Семенюк и Грабовский, – быстро ответил Руслан Максимович.

Лицо Чинова исказилось до неузнаваемости в гримасе страха и одновременно отвращения. Похоже, об этих людях он знал, в отличие от Фалалеева, и знал немало.

– Я в это лезть не буду, – отрезал шеф. – И тебе запрещаю.

– Но у меня похитили ребенка! Девочка, школьница, семнадцать лет... – беспомощно забормотал Фалалеев и зачем-то добавил: – Выпускной класс.

– Как похитили – так и вернут, – цинично заявил Чижов. – И не смей больше даже заговаривать об этом.

– А если я пойду к генералу сам, напрямую?

– Если ты, шавка, что-то можешь сделать сам – делай. А ко мне больше не подходи.

Руслан Максимович чувствовал себя беспомощным и ничтожным. И еще раз успел до того, как Чижов развернулся и ушел, подумать о том, что шантаж ему, Фалалееву, не осилить. Не потянуть. Знает он много, но вступать в открытую борьбу с этим человеком, не ведающим жалости и не имеющим совести, просто не посмеет.

Обратиться к генералу? Нужно время, чтобы добраться до него. Фалалеев ведь только числился личным помощником Чинова, чтобы трудовая книжка где-то лежала и доходы оправдывались зарплатой. Все, что Руслан Максимович знал о своем шефе, вся компрометирующая информация была из числа случайно подсмотренного, подслушанного или прочитанного в небрежно оставленных бумагах. Доступа к списку телефонных контактов у Фалалеева не было, деловыми встречами и звонками занималась секретарь, а уж особые номера телефонов хранились только в мобильнике самого Чинова. Можно, можно все организовать, все узнать, выпить нужные сведения, но для этого требуется время, которого нет.

Фалалеев спустился вниз, вышел из здания. Набережная залита огнями, от чего ночное небо кажется светло-синим, почти безветрено, и тихо падает первый, еще не крупный и не густой, снег... И почему красивое замечаешь чаще всего тогда, когда на душе темно?

Он медленно шагал вдоль набережной, пытаясь собраться с мыслями. Надо что-то предпринимать, что-то придумать, пока еще можно с кем-то связаться. Уже одиннадцатый час вечера, пройдет максимум полчаса – и звонить станет некому, ни один человек не потерпит, когда ему в такое позднее время начнет морочить голову какой-то незнакомый тип. Даже слушать не станет, просто наорет и бросит трубку. Придется ждать хотя бы до девяти утра, а это будет означать потерю еще десяти часов.

А дочка где-то там, у чужих людей, плачет от страха... И хорошо, если только от страха, а не от боли. Вдруг ее мучают? Не дают еды, питья, не выводят в туалет? Вдруг ее истязают или насилуют?

У него помутилось в глазах, пришлось остановиться и переждать спазм.

Когда глаза Фалалеева вновь обрели способность видеть четко, пришло решение. У него есть один номер телефона, раздобытый, вернее, подсмотренный совершенно случайно у того самого генеральского доверенного лица. Если номер не изменился с тех пор, то по нему ответит человек, которому Руслан Максимович может кое-что предложить в обмен на помощь по спасению дочери.

Большаков

Вечер получился неожиданно спокойным и милым, Юлия Львовна перестала дуться, дети, вопреки обыкновению, сидели дома, в квартире царила атмосфера покоя и умиротворения. Никто не сердился, не нервничал и не выяснял отношения, и Константин Георгиевич уселся ужинать, еще питая пусть и слабую, но все-таки надежду на несколько часов отдыха: несмотря на выходной, ему все-таки пришлось сегодня быть на службе.

Последний разговор с капитаном Дзюбой, состоявшийся во второй половине дня, вселил некоторую уверенность в том, что парень справится с заданием. Ну какой же молодец, какая умничка! Впрочем, молодцы все: и Ромка, и ребята, которые ему помогали. Большаков по собственному опыту знал, что такую сложную комбинацию фактов невозможно осмыслить и правильно интерпретировать в одиночку в короткие сроки. Законы мышления таковы. Тут приходится выбирать: либо ты работаешь один, но на это уходит очень много времени, либо ты работаешь быстро, но тогда уж в команде. Шерлок Холмс – это, конечно, классно придумано, но не жизненно. Да и сроки над великим сыщиком не висели, он был птицей полета свободного и высокого.

Теперь трем убийствами, совершенными неизвестно кем и неизвестно почему, будут заниматься серебровские и шолоховские полицейские, а задачей Ромки так и останется вычисление траектории движения и внутренних закономерностей деятельности Игоря Пескова, чтобы можно было спрогнозировать его следующий шаг и понять, где беглеца можно отловить. Достоверное исключение из серии одного убийства позволит избежать искажений и не надевать ошибок в этой работе. Если первоначально Роман исходил из того, что для Пескова убийство – дело не простое и ему требуется время на психологическое восстановление, то теперь этот постулат выглядит довольно сомнительно. Без шолоховского эпизода интервал между убийством в Сереброве 17 мая и следующим, в лесопарке города Дворецка, 3 августа, получался внушительным, два с половиной месяца. А вот следующие интервалы – уже по месяцу с маленьким хвостиком, то есть вдвое короче. Вывод? Песков понял, что так много времени на подготовку и восстановление ему не нужно и не такое уж страшное и тяжелое это дело – лишить другого человека жизни. Разница в характеристике, казалось бы, невелика, но очень важна, если хочешь правильно понять, как Песков мыслит и как чувствует. Спасибо Орлову, он собирает столько информации, сколько может, и это позволит теперь Дзюбе анализировать факты, опираясь хоть на какую-то платформу, довольно, впрочем, шаткую... Но другой все равно нет. И создавать ее некогда.

Одним словом, оснований для радужного оптимизма пока маловато, но и впадать в отчаяние рано. И можно хотя бы пару часов насладиться возможностью расслабиться и отдохнуть, пользуясь тем, что дети дома и нет необходимости волноваться за них, а жена в хорошем настроении и не заводит снова и снова разговор о приемном ребенке... Как жаль, что такие вечера выпадают на долю полковника Большакова нечасто!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.